ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ
ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ
РУССКИЙ ГЕНИЙ
ВАЛЕНТИН НОВИКОВ

Валентин Сергеевич Новиков

Илья Глазунов. Русский гений

Серия «Лучшие биографии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16396504
Илья Глазунов. Русский гений: Алгоритм; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-37511-0

Аннотация

Уже полвека пытаются объяснить феномен Глазунова, а его творчество по-прежнему остается загадкой. Наш великий современник, художник номер один, он продолжает высокие традиции реализма, отечественной культуры, проникнутые всемирной отзывчивостью.

Искусство Глазунова – всегда и вызов, и призыв. Вызов предательству, надругательству над святынями, разрушению духовных основ, антикультуре. Призыв к борьбе за вечную Россию, ее возрождение и созидание. Живет и здравствует созданная им на закате минувшего века Российская академия живописи, ваяния и зодчества – это ли не подвиг во времена всеобщего упадка культуры? Книга о жизни и творчестве всемирно признанного художника – еще одна встреча с его необыкновенной личностью и грандиозным искусством.

Содержание

Феномен Глазунова 5
Жизнь словно мозаика других жизней 10
Родовое предание 10
Желанный гость семейства Флугов 12
Генеральская шинель 14
Любимый наставник наследника престола 17
Крик души 20
Конек 26
Мама 31
Отец и его братья 34
Первые впечатления 44
Война 49
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Валентин Сергеевич Новиков
Илья Глазунов. Русский гений

© Новиков В. С., 2009
© ООО «Алгоритм-Книга», 2009
© ООО «Издательство Эксмо», 2009

Феномен Глазунова

Илья Глазунов снискал славу самого «скандального» и самого выдающегося художника XX века. Примечательно, что безоговорочное и, можно сказать, официальное подтверждение титула «самый выдающийся художник XX века» он получил под занавес уходящего и в канун наступающего столетия, причем не только на родине – по результатам опроса соотечественников, но и в международном масштабе: ЮНЕСКО удостоило его высшей награды – Золотой медали, присуждаемой за особо выдающийся вклад в мировую культуру.

Действительно, начиная с 1957 года, когда успех первой персональной выставки Глазунова в ЦДРИ отозвался эхом во всем мире, интерес к его творчеству не иссякает. Каждая новая выставка становится значительнейшим событием не просто культурной, но и общественной жизни. А ведь многие, начинавшие вместе с ним художники и получившие в свое время известность, как бы сошли с дистанции, давно отойдя в тень. Пример так называемых шестидесятников показателен.

Не кажутся странными утверждения самого Глазунова о том, что он не меняется и не отказывается ни от одного своего поступка, картины или высказывания. При всех социальных поворотах каждое новое монументальное полотно художника воспринимается зрителями как откровение, а пресса захлебывается от негодования по поводу очередной «скандальной» выходки Глазунова.

Но как бы ни стремились отнести Глазунова к некоему ряду «потрясателей основ» его оппоненты и критики, раньше обслуживавшие официальную советскую пропаганду, а теперь так называемую демократическую, большинство соотечественников признало в нем русского национального гения, воссоздающего подлинный исторический образ России и указывающего путь к ее духовному возрождению. Свидетельство тому – бесчисленные записи в неподъемных томах книг отзывов с каждой выставки художника. Кстати, такие отзывы справедливо считаются единственной формой выражения истинного общественного мнения.

Ученый Владислав Краснов, проживающий в США, проанализировал записи отзывов с выставок Глазунова, состоявшихся в московском и петербургском Манежах. И пришел к выводу, что из 10 посетителей 8 – за Глазунова! Исследование ученого было опубликовано за рубежом. Но что это для хулителей Глазунова! Они и народ-то не жалуют, называя его не иначе как быдлом.

С другой стороны, чернить публику не всегда с руки. Ведь она – признак успеха, и прежде всего финансового, чем более всего озабочены дельцы от культуры. Если на концерте или выставке присутствуют два-три человека – это провал, а не свидетельство избранности того или иного «творца», почему-то не получающего признания, ибо, как справедливо считает сам Глазунов, непризнанных гениев не бывает. Потому для дискредитации хороши все средства. Вспомнить только, какой возмутительный (ныне уже ставший привычным) способ дезинформации был использован в новостях об открытии выставки художника в год празднования тысячелетия крещения Руси. Было это в столичном Дворце молодежи, где тогда же в соседних залах открывалась выставка известных представителей «современного искусства». Там у входа толпилась жалкая кучка людей – пара-тройка десятков, как говорится, родных и близких. А очередь на Глазунова, где экспонировалось всего около 40 работ, огибая здание, уходила в глубь примыкающего парка. Мой друг, известный ученый, простоял с сыновьями на немыслимой жаре около семи часов, чтобы попасть в зал. А в вечернем выпуске новостей популярный комментатор, пристегнув кадры с очередью на выставку Глазунова, восторженно рассказывал о вернисаже творцов «современного искус-

ства», и наоборот, весьма пристрастно комментируя выставку Ильи Сергеевича, показал малочисленных посетителей соседнего вернисажа.

Стоит ли поэтому удивляться отсутствию информации о восприятии творчества Глазунова крупнейшими деятелями мировой культуры, о реакции западной прессы на его триумф за рубежом. Кто, к примеру, хотя бы слышал об оформлении Ильей Глазуновым интерьеров советского (ныне российского) посольства в Мадриде, о состоявшейся в испанской столице его выставке? Тогда мэр Мадрида Терно Гальван, ознакомившись с проектом оформления здания, заявил, что оно будет лучшим украшением столицы. А в предисловии к каталогу выставки, которую открыл в самом престижном зале, назвал Глазунова гениальным художником. Так же восторженно отзывалась о нем испанская пресса. Даже мне, так или иначе соприкасающемуся с творчеством Глазунова три десятка лет, ничего об этом из наших средств информации почерпнуть не удалось. Зато мимолетные и ничтожные по своему значению наскоки за рубеж тех же авангардистов со своим «вторсырьем», реанимирующим «искания» коминтерновских погромщиков искусства 20-х годов, выдавались и пропагандировались как убедительные победы советского искусства. После той испанской поездки широкую огласку получило у нас интервью местному журналисту, где Илья Глазунов представлен махровым антисоветчиком. Эта история была высвечена известинским корреспондентом и послужила поводом для очередного витка травли художника. Правда, и на этот раз затея оказалась ее ретивым зачинщикам не по зубам: слишком много было у Глазунова поклонников его таланта.

Мировое искусство не знает другого примера, чтобы выставку какого-либо художника за месяц с небольшим смогли посетить, как в том же Дворце молодежи, около двух миллионов человек! Для Запада ошеломляющий успех – несколько десятков тысяч посетителей. Но для Глазунова сверхрекорды посещаемости были и остаются обычным явлением. Что же притягивало и по сей день влечет людей на его выставки?

В годы безраздельного диктата коммунистической идеологии, когда в общественном сознании беспощадно вытравливались любые проявления русской национальной самобытности, Илья Глазунов с удивительным бесстрашием и последовательностью обращался в своих произведениях к обычаям и традициям русского народа, к историческому облику великой державной России, воскрешая национальные представления о православном духовном идеале Святой Руси как Дома Пресвятой Богородицы.

Создавая художественную летопись исторического пути России, он неустанно и упорно возвращал в общественное сознание образы великих русских монархов, подвижников православной веры, полководцев, строителей государственности, деятелей литературы и искусства, составляющих могущество и славу Отечества, имена которых были очернены или преданы лукавому забвению. Ну кто дерзнул бы тогда в качестве идеального государственного деятеля публично превозносить выдающегося реформатора Петра Аркадьевича Столыпина? Преданный анафеме, Столыпин упоминался только как вешатель.

Для Запада Глазунов явился «одним из самых великих современных художников, нашедшим путь к синтезу наследия классической русской и современной мировой культуры» (Испания); «гениальным и мужественным, до конца преданным России – стране с безграничной готовностью к вере и страданию» (ФРГ); творцом, перед которым «русский народ действительно преклоняется» (США). В столь превосходных степенях отзывались о творчестве Глазунова знаменитые деятели мировой культуры, виднейшие государственные и общественные лидеры разных стран.

Несколько лет назад с группой молодых российских художников я попал в мастерскую выдающегося испанского скульптора Хуана де Авалоса, классика XX века, создателя грандиозного мемориала жертвам гражданской войны в Испании. От него и довелось услышать вот такое емкое определение личности Глазунова: «Он показывает, каким должен быть

художник. Горе и страдания своего народа, исторические проблемы, которые он воплощает в своих картинах, отделяют его от сиюминутности, от политических интриг. Он идет своим путем. Он выделяется среди общества, которое имеет еще не вполне ясные представления о своих устремлениях, как гениальная личность. Его успех объясняется огромным талантом, искренностью, полной отдачей своей жизни искусству». В этих словах – промыслительная, провидческая сущность таланта великого художника.

Илья Глазунов всегда выступал против известного, нещадно эксплуатировавшегося постулата о том, что будто бы историю творят массы. Историю творят личности, утверждал он. И сам остается такой личностью, формируя национальное самосознание, способствуя русскому возрождению. Этому служит его искусство, вся необъятная просветительская и организаторская деятельность. Какой шок и растерянность вызывали у официальных властей печатные и публичные выступления Глазунова в многолюдных аудиториях, развенчивающие клеветнические пропагандистские мифы о «беспросветном проклятом прошлом» дореволюционной России, бывшей якобы тюрьмой народов! Он, фактически единственный, открыто утверждал, что Россия была самой сильной и свободной страной. Не случайно под крыльями российского орла искали убежище многие племена и народы, спасаясь от неминуемого истребления жестокими и хищными соседями. И не было страны, равной России по уровню духовного и экономического потенциала.

Особую роль в консолидации патриотических сил сыграл созданный Глазуновым в Германии совместно с виднейшим деятелем второй волны русской эмиграции Олегом Красовским монархический независимый альманах «Вече». Неоценимо значение Глазунова в создании Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. Перед чем оказалось бессильно целое государство, сделал Глазунов. И теперь его академия, выпустившая в свет уже не одно поколение первоклассных художников, признана лучшим в мире учебным художественным заведением!

Вспоминаются слова, сказанные в 1921 году немецким романистом Я. Вассерманом в адрес наиболее любимого художником писателя и мыслителя Ф. М. Достоевского: «Редко так случалось, чтобы один-единственный человек, не будучи основоположником религии или покорителем мира, произвел столь значительные изменения в психологической ситуации нескольких поколений» [1]. Их с полным основанием можно отнести и к Илье Глазунову. Его имя стало одним из самых ярких символов национального самосознания и духовного возрождения России.

Крах советской системы в конце XX века парализовал всю страну. Жестоким ударам подверглись культура и искусство. Представители творческих профессий с вожделенной «свободой творчества», лишившись традиционной государственной поддержки, оказались за бортом жизни и были вынуждены переключиться на решение уже не профессиональных задач, а проблем элементарного выживания. Последовавший криминальный передел имущества творческих союзов еще больше осложнил и без того незавидное положение творческих работников. Благоденствовали лишь ловкачи, причисленные к так называемой демократической элите. Они ловко прокручивали свои дела в воцарившейся атмосфере нравственного, экономического и правового беспредела, тотальной коммерциализации, деморализации и профессиональной деградации культуры, насильственно лишаемой традиционных идеалов и ориентиров.

И тем не менее сохранившиеся здоровые силы не капитулировали.

Новое время озвучило и новые творческие имена. Но по-прежнему, как высказался об Илье Глазунове всем известный Сергей Владимирович Михалков, «на общем фоне духов-

[1] Литературное наследство. Ф. М. Достоевский. М.: Наука, 1973, т. 86, с. 716.

ной и культурной жизни эта фигура не имеет себе равных как по индивидуальности художественного мышления, так и по творческому и общественному имиджу».

Выставки произведений Глазунова, состоявшиеся в начале 2000 года в Москве и Петербурге, со всей очевидностью подтвердили правоту патриарха отечественной словесности. Правда, высказывались предположения, что ограбленному и обездоленному народу уже не до искусства, раздавались и злорадные пророчества недоброжелателей о неминуемом провале «всем надоевшего Глазунова». Однако открытие выставки с нескончаемой чередой народа поставило все на место. Художник потряс публику масштабностью и разнообразием экспозиции, включавшей, помимо известных, около сотни новых работ. Сенсационными стали историко-философские полотна – «Разгром храма в Пасхальную ночь» и «Рынок нашей демократии». Были здесь представлены и архитектурные (причем блестяще уже реализованные) проекты, открывшие новые грани его таланта. И вновь, как в былые времена, тома книг отзывов разбухали от выражения восторга и преклонения.

Творчество Глазунова давно разделило зрителей на два лагеря. Подавляющая часть их на стороне художника. Понятно и то, что «вдохновляет» его врагов – лютая ненависть к России и русскому народу. Накал же страстей вокруг Глазунова перешел всякие границы. Что можно сказать, когда среди опусов по поводу упоминавшихся выставок в Манежах красуется материалец, прямо подстрекающий к уголовному, точнее политическому, преступлению: уже не к творческому, как прежде, а физическому уничтожению художника? В заголовок статьи выносится: «Убить Глазунова».

С прямыми недругами художника еще в советское время смыкалась объединенная разномастная рать его коллег, включавшая именитых столпов и менее маститых старателей «соцреализма», «бунтарей», зараженных «авангардом» и одержимых иными побуждениями. Сплоченная клановыми интересами, она кормилась в структурах Союза художников и Академии художеств СССР, на дух не хотела принимать и терпеть в своих рядах Глазунова. Это была весьма уникальная и единственная в своем роде ситуация. Ведь одно дело, когда подобное случается с неким впавшим в манию величия претендентом на особое место в искусстве. И другое, если речь идет о всемирно признанном таланте.

Обвинялся Глазунов и в принадлежности к так называемым «официальным» художникам. Хотя ни с какими структурами, проводившими официальную идеологию в искусстве, он не был связан. И в то же время не снимались с него ярлыки убежденного антисоветчика и «проповедника религиозного фанатизма», искусство которого «не помогает строить коммунизм».

Есть одна особенность в общественном восприятии творчества Ильи Глазунова. В яростных спорах, разгоравшихся вокруг его картин, выставок и творчества в целом, на первый план всегда выходили идеологические, социальные проблемы. Художественный анализ произведений и творческой индивидуальности художника как блистательного колориста, величайшего мастера рисунка и композиции, картины которого сравнимы с симфонией в музыке или романом в литературе, чаще всего оставался в стороне.

Приоткрыть тайну «феномена Глазунова» непросто. Уже потому, что при поразительно насыщенной, яркой жизни художника невозможно абстрагироваться от многих общественных процессов, активным участником которых был сам Илья Глазунов.

Лучшим образом прокомментировать их может сам художник, что он при необходимости и делает со всей присущей ему искренностью и откровенностью. Однако Глазунов живет и измеряет жизнь по особым меркам, присущим действительно великим личностям. И то, что для великого человека представляется обычным, рядовым делом, для других, быть может, – недосягаемая высота.

Несколько лет назад мне довелось присутствовать на торжественном открытии замечательного памятника московского зодчества – Белых палат на Пречистенке после заверше-

ния их реставрации, длившейся около двух десятков лет. Факт спасения такого бесценного исторического объекта, приговоренного к уничтожению, единодушно оценивался как проявление Божьей милости, облеченной в чей-то безымянный подвиг. И вдруг один из почетных гостей, выступавших на торжестве, рассказал, как было дело. В конце 60-х – начале 70-х годов, когда в Москве велась очередная кампания по ликвидации памятников истории и культуры, властями было принято решение о срочном сносе Белых палат и других исторических зданий на Пречистенке. Предлогом для акции послужил предстоящий визит американского президента Никсона – для проезда его кортежа якобы требовалось расширить улицу. Но в ночь сноса Пречистенки улицу заполнили студенты, возглавляемые Глазуновым, которые вместе с ним буквально ложились под бульдозеры. В результате разразившегося общественного скандала удалось Пречистенку отстоять…

Надо было видеть побагровевшую физиономию функционера, ведущего церемонию, когда тот, повернувшись к выступавшему гостю, рявкнул ему в ухо: «О Глазунове – ни слова!» Оказалось, что в те годы функционер сам принадлежал к той категории ответственных чиновников, которые санкционировали погром исторической Москвы.

Когда же я попросил подробнее рассказать об услышанном в тот вечер, Илья Сергеевич только махнул рукой: «Да что там эти палаты! Ты же сам знаешь, что тогда происходило в Москве, – шла настоящая битва за спасение всего ее обреченного исторического наследия. Главное, что эту битву мы выиграли. А вот какая борьба развернулась за спасение памятников Ленинграда – например, храма Воскресения Христова («Спаса на крови»), возведенного на месте убийства императора Александра II, – тоже весьма интересная история…»

«Всякое событие и личность интересны прежде всего тем, как они выражают определяющие черты той или иной исторической эпохи», – считает Глазунов. Слагая вехи его жизненного и творческого пути, постараемся следовать этому принципу. Правда, по моим наблюдениям, проходных, «неисторических» событий или периодов у него не было. Хотя сам он нередко с огорчением утверждает, что львиная доля времени, столь необходимая для творчества, уходит на преодоление чиновничьих и иных препон.

Жизнь словно мозаика других жизней

Родовое предание

Общеизвестно, что линия жизни каждого человека во многом предопределена его происхождением, родовыми корнями, окружающей с детства обстановкой. Не в столь далекие советские времена гарантом социальной доброкачественности и надежности человека служило пролетарское происхождение. Принадлежность к интеллигентской «прослойке» в официальных инстанциях вызывала определенную настороженность. К примеру, прием в партию интеллигенции строго лимитировался, даже если кандидат являлся таковым в первом поколении. А что уж говорить, если человек принадлежал к какому-либо из так называемых эксплуататорских сословий! Такое родство даже в «застойные» годы приходилось если не скрывать, то уж во всяком случае не афишировать. Поэтому в прежние времена вопрос о родовой принадлежности Ильи Глазунова в разного рода публикациях практически не поднимался, а если и затрагивался, то в соответствующем ключе и надлежащих пределах. Впрочем, поглощенному борьбой за свое место в искусстве и будущее России самому Илье Сергеевичу было не до генеалогии, хотя живая память о родителях и предках служила ему источником сил и вдохновения. И лишь когда пришла пора написать книгу-исповедь, в которой он, по его словам, хотел бы вернуть народу многое из того, что оболгано и оклеветано, выразить свой взгляд на добро и зло в этом мире, ответить на «проклятые» вопросы, поставленные временем и историей, – тогда и возникла настоятельная необходимость в архиве.

Архивные документы, будто увиденные впервые, возвращали к памяти свидетельства и трагические картины прошлого. Или родовое древо художника. Уходящее по материнской линии в глубины славянской древности, по нему впору писать очерки российской истории. Независимо от рода занятий предки Глазунова были богато одаренными художественными натурами – занимались музыкой, живописью, поэзией, историческими и научными исследованиями и уж непременно были ценителями и собирателями произведений искусства. Так, дядя художника, академик медицины Михаил Федорович Глазунов, собрал ценнейшую библиотеку и коллекцию картин русских художников. Перед своей кончиной он завещал ее Саратовскому художественному музею, где она хранится и по сей день. Все это многообразие творческих талантов сфокусировалось и блистательно воплотилось в творчестве Ильи Глазунова…

Признаюсь, когда я впервые соприкоснулся с историей рода Ильи Сергеевича по материнской линии, то от неожиданности и кажущейся невероятности был просто ошеломлен и зачарован ею, как прекрасной романтической сказкой. Сам Илья Сергеевич услышал об этом в раннем детстве от своей матери Ольги Константиновны Флуг, которая во время прогулок по Васильевскому острову знакомила сына с его родословной, рассказывала об уже ушедших и живущих родственниках, строго предупреждая, что говорить никому ничего нельзя, ибо «ты ведь знаешь, какое сейчас время: кто расстрелян, а кто – выслан».

Семейное предание гласило, что в давние времена в Чехии правила прекрасная и мудрая королева Любуша, которую народ боготворил. Но у нее не было мужа. И некоторые представители знати стали по этому поводу устраивать смуту. Тогда Любуша согласилась с таким предложением: пустить на волю коня, и тот первый мужчина, перед кем он остановится, станет ее супругом… Конь скакал через леса и поля, а за ним в золотой карете следовала со свитой Любуша. Наконец он остановился перед одиноким пахарем, пахавшим безбрежное поле, и ударил копытом. Удивленный пахарь, узнав в чем дело, возгласил: «Быть по сему!» И воткнул свой посох в землю, из которого выросли три розы… Эти розы, произрастающие

из жезла и преобразившиеся в форму плуга, вошли в родовой герб рода, ставшего носить фамилию Флуг (по-немецки – плуг)…

С этим преданием в более полном изложении можно познакомиться не только в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, но и в других исторических источниках, которые свидетельствуют, что новая королевская чета, благополучно управляясь с государственными делами, основала город Прагу. Впоследствии представители разросшегося королевского рода расселились по Европе. В Россию их занесло в начале XVIII века, когда Петр I пригласил одного из Флугов для преподавания математики и фортификации. Генерал Флуг верно служил России и отличился в битве под Лесной, когда русские разбили шведские войска генерала Левенгаупта, шедшие под Полтаву на помощь Карлу XII.

От Ильи Сергеевича я не раз слышал, что до войны в семейном шкафу под бельем хранился завернутый в газету рулон, на котором тушью было изображено фамильное древо дворянского рода Флугов, уходившее корнями в глубокую древность. Но потом он куда-то исчез: возможно, был перепрятан в более надежное место, так как хранить подобные документы в ту пору было небезопасно – из Ленинграда эшелонами увозили в ссылку лиц непролетарского происхождения (эта участь постигла и некоторых родственников семьи Глазунова). Хотя, скорее всего, вместе с другими ценными бумагами, изображением родового герба и рукописями был утрачен во время блокады.

И вот однажды Илья Сергеевич встретил меня радостно: «А я кое-что нашел!» Загадочно улыбнувшись, спросил: «Хочешь увидеть наш родовой герб?» И тут же из груды папок и книг, которыми всегда завален гостиный стол его квартиры в Калашном переулке, извлек обширный лист и разложил передо мной. Изумиться было чему: на листе был изображен герб не только в первоначальном виде, но и с последующими модификациями, происшедшими со временем. Неизменной оставалась одна деталь: три проросшие из жезла розы в форме плуга. Спрашивать, в каком архиве была обнаружена эта фамильная реликвия, я не стал, полагая, что о находке Илья Сергеевич расскажет сам в своей книге «Россия распятая».

Мне не раз доводилось встречать в исторических изданиях упоминания о лицах, носивших фамилию Флуг. История этого дворянского рода – предмет особого исследования. Но сейчас хотелось бы остановиться на ближайших предках и родственниках художника, которые оставили живой след в его душе, непосредственно влияли на формирование его личности.

Желанный гость семейства Флугов

Главой рода Флугов является прадед Ильи Сергеевича Карл Карлович, проживавший в середине XIX века со своим семейством в собственном доме на Васильевском острове. Это был душевно отзывчивый человек, неравнодушный к поэзии и искусству, посещавший даже некоторое время Академию художеств. Его ближайшим другом и желанным гостем всего семейства стал выдающийся русский художник Павел Андреевич Федотов, занимавшийся и поэтическим творчеством. Их знакомство произошло случайно: однажды Павел Андреевич, служивший в лейб-гвардейском Финляндском полку, проходя мимо дома Флугов, почувствовал себя дурно и попросил напиться. Вскоре дом Флугов стал для него почти родным. Приходя на обеды, душа общества, он непременно читал свои стихи. Кстати, когда мне самому довелось прочитать написанные его рукой строки поэмы «Женитьба майора», поразило сочетание армейской строгости и выстроенности почерка с юмористичностью произведения, удивительное созвучие его поэтического и художественного дара. Он хорошо играл на гитаре, аккомпанируя своим песням.

По вечерам Федотов за семейным столом рисовал свои жанровые картины, а Карл Карлович, хозяин дома, в это время читал что-то вслух. Члены семьи Флугов, их друзья и даже прислуга нередко позировали художнику. Эти рисунки и портреты ныне находятся в Третьяковской галерее и Русском музее. Многим будет интересно узнать, что для «Утра свежего кавалера» позировала горничная Флугов, а для фигуры жеманной невесты в «Сватовстве майора» позировал сам Карл Карлович; себя же Федотов изобразил в образе жениха-майора.

Известен выполненный Федотовым портрет Е. Г. Флуга, изображенного перед свечой с листом бумаги в руке. Возможно, это отец Василия Егоровича Флуга, участника русско-японской войны, генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии. Родившийся в 1860 году, Василий Флуг получил образование в Михайловском артиллерийском училище и Николаевской Академии Генерального штаба. В справочнике «Список генералов по старшинству» 1906 года приводится его послужной список и награды, в том числе и иностранные – офицерский крест Французского ордена Почетного легиона и Командорский крест Бельгийского ордена Леопольда. А в «Вестнике русской конницы» № 19 22 за 1914 год дан поясной портрет с подписью «генерал от инфантерии В. Е. Флуг». Некоторые документы о военной деятельности генерала Флуга содержатся в книге «Тайны русско-японской войны» (М., 1992).

Из этюдов и картин Федотова в доме Флугов скопилась целая коллекция, которую по какому-то случаю Карл Карлович передал своему знакомому, но обратно не получил. Лишь спустя несколько лет он увидел ее в одном из магазинов, оцененную в 1500 рублей… К сожалению, была утрачена и огромная коллекция портретов прадедов кисти Лампи, старых русских монет и воинских медалей, собранная сыном Карла Карловича, дедом Ильи Сергеевича, Константином Карловичем Флугом.

О личности П. А. Федотова, его чертах характера и своеобразной внешности Константин Карлович оставил ценные, изобилующие редкостными подробностями записи, часть которых Илья Глазунов приводит в своей книге «Россия распятая». В целом же история отношений семьи Флугов с Федотовым занимательна не просто сама по себе, она раскрывает атмосферу жизни, царившую в определенных слоях русского общества того времени, позволяет глубже узнать реальную жизнь дореволюционной России. А вот одно из свидетельств Ильи Глазунова, относящееся к блокадным годам:

«Я помню, как в темной, холодной комнате (тогда как в других лежали мертвые родственники – бабушка, тетя – и жуткой пустотой зияла комната, где умер отец), при свете коптилки на меня неотступно смотрели с портрета кисти Федотова глаза моего прадеда

К. К. Флуга. Словно времена остановились, и они до жути пристально внимали из 40-х годов XIX века всему ужасу катастрофы своих потомков в 42-м году XX века. Много лет спустя моя тетя Агнесса Константиновна решила передать этот портрет по просьбе работника Третьяковской галереи в знаменитое национальное собрание. Несколько лет назад, придя в Третьяковскую галерею, я увидел под стеклом витрины все в той же знакомой рамке на глухом зеленом фоне незабываемые глаза прадеда. Почему-то мне стало страшно, мгновенно встали в памяти ушедшие страшные времена. Под этим портретом от голода умерла моя мать. И еще я вспомнил, как незадолго до войны стоял с матерью в Александро-Невской лавре на торжественном праздновании юбилея великого русского художника П. А. Федотова. Запомнилось грустное надгробие Мартоса, прекрасные траурные марши в мраморе, посвященные великим людям России».

Генеральская шинель

Дед Ильи Сергеевича по материнской линии Константин Карлович Флуг был по образованию горным инженером и служил в Министерстве финансов, занимаясь вопросами, связанными с оборотом золота. Дослужился до чина действительного статского советника, что соответствовало чину армейского генерал-майора. Его усердное служение Отечеству было отмечено многими наградами, и не только российскими. Это и ордена Святого Даниила – от князя Черногорского, Льва и Солнца – от персидского шаха, Кавалерский крест Почетного легиона Франции.

Константин Карлович обладал незаурядными научными и творческими способностями. Он написал книгу о главнейших типах русских золотых монет, несколько работ по истории нумизматики. А в 1909 году вышло его историческое исследование «Викинги и Русь», отражавшее традиционный семейный интерес Флугов к прошлому Отечества. Не чужда ему была и поэзия. В 1914 году Константин Карлович издал сборник своих стихов, сохранившийся в бывшей «Ленинке». В предисловии к нему он написал: «Если кто-либо найдет какое-либо хорошее чувство или проникнется, хотя и ненадолго, непрозаическим настроением, прочтя эти стихи, я буду совершенно удовлетворен и доволен, так как, исходя только из этих желаний, я решился напечатать их».

У одной из родственниц Ильи Сергеевича я видел фотографию 1909 года, на которой запечатлен основательный загородный дом Константина Карловича на станции Дибуны по Финляндской дороге, неподалеку от Куоккалы. Там же жил Илья Ефимович Репин. После Октябрьского переворота дом оказался бесхозным, затем передан под детский сад. А его хозяин был обречен на нищенское и голодное существование. Однажды, в Петрограде, революционный солдат снял с Константина Карловича приглянувшуюся представительную шинель, и, отдав свою изношенную, пояснил, что в таком обмундировании хозяина могут спокойно «укокошить» по классовому признаку. И был вполне прав. Что в ту пору творилось в Петрограде, известно из различных источников. Ярко те события представлены в записках другого, двоюродного деда Ильи Сергеевича – генерала Ф. А. Григорьева, о котором будет рассказано особо. Развернувшаяся тогда сатанинская вакханалия изображена на монументальной композиции И. Глазунова «Разгром православного храма в Пасхальную ночь». Между прочим, в числе запечатленных на ней персонажей на левом крае полотна есть и печальный образ Константина Карловича, облаченного в еще не «экспроприированную» шинель генеральского достоинства. Другая генеральская шинель неслучайно наброшена на тело революционной «жрицы любви».

Со времен Французской революции, названной, как и Октябрьская в России, Великой, присутствие проституток в храмах стало правилом богоборческой деятельности. Между прочим, среди особ, занимавшихся уличным промыслом, были и принадлежавшие даже к высоким сословиям, и профессиональные революционерки. Вспомним хотя бы А. Коллонтай, ставшую чрезвычайным и полномочным послом России в Швеции, чьи революционные преобразования в области половой жизни небезызвестны. Такая примечательная, по нынешней терминологии, сексуальная окрашенность революции (возродившаяся в период нынешних «перестройки» и «демократии») входила в жизнь и рушила духовные и нравственные устои общества, к которому принадлежал преданно служивший Отечеству Константин Карлович Флуг, скончавшийся от голода в 1920 году.

Помимо всего прочего, он был хорошим семьянином, воспитал пятерых детей – двух сыновей и трех дочерей. Назовем их в порядке старшинства: Валериан, Агнесса, Елизавета, Константин и Ольга – мать Ильи Сергеевича.

Валериан Константинович вместе с семьей был выслан из Ленинграда и умер в ссылке. В годы войны, как следует из его редких писем сестре Агнессе, он работал на Урале. Агнесса Константиновна жила с мужем в Ботаническом саду в деревянном доме на берегу Невки. Неподалеку некогда находился дом Петра Аркадьевича Столыпина, разрушенный взрывом во время покушения на него. Тогда погибло около 30 человек, ожидавших в приемной, и были ранены его малолетние дети. Позже на этом месте был воздвигнут обелиск, сохранившийся до наших дней. Бывая здесь, Илья Сергеевич, естественно, не может не вспоминать, что в детстве слышал о великом русском реформаторе, чей образ будет сопутствовать ему как идеал государственного деятеля. Осквернённую могилу Столыпина художник восстановит в конце 1980-х годов у стен Успенского собора Киево-Печерской лавры. Помнит он и рассказы тети Аси о том, как после революции к пирсу подгоняли колонны лучших людей города, грузили на баржи, а потом топили в Ладоге и в Финском заливе.

Мужем Агнессы Константиновны был Николай Николаевич Монтеверде, занимавшийся выращиванием лекарственных растений в том же Ботаническом саду. А основателем знаменитого там музея был его отец, известный ботаник Николай Августинович Монтеверде, потомок архитектора Августина Монтеверде, приглашенного из Италии императором Николаем I. Так что у Ильи Глазунова есть дополнительный повод быть признательным одному из самых любимых российских самодержцев, который, усмирив масонский бунт декабристов, на целый век отсрочил революцию.

Николай Николаевич, или дядя Кока, неравнодушный к своему юному племяннику, с удовольствием знакомил его с диковинными растениями Ботанического сада, с которым связывались первые ощущения от благодатного воздействия природы, вхождение в ее мир. Ботанический сад привлекал многих знаменитостей. Здесь любили бывать Репин и Жуковский, Рахманинов и Блок. Дом Монтеверде притягивал душевным теплом и уютом, общением с произведениями искусства и знакомством с русскими сказками, гениально проиллюстрированными Иваном Билибиным.

Во время блокады и в годы эвакуации в Новгородскую область для Ильи, перенесшего смерть родителей и ближайших родственников, тетя Ася с дядей Кокой стали главной опорой в жизни, надеждой на обретение домашнего очага. Необычайно трогательные письма и посылки с книгами, приходившие от них из блокадного Ленинграда, где жизнь едва теплилась под непрерывными обстрелами и бомбежками, помогли ему перенести непоправимое горе, выстоять, не ожесточиться. У них же он нашел на первое время приют после возвращения из эвакуации и в годы учебы.

Другая сестра матери Ильи Сергеевича – Елизавета Константиновна была женой профессора Ленинградской консерватории Рудольфа Ивановича Мервольфа, потомка выходцев из Германии. Ученик выдающегося композитора А. К. Глазунова, чем он очень гордился (в театральном музее Петербурга хранятся две фотографии – Глазунова и Лядова с дарственными надписями), Рудольф Иванович, аккомпанировавший Шаляпину и Крейслеру, близко общался с Исааком Дунаевским и часто выполнял его срочные заказы по аранжировке песен. Рудольф Иванович умер во время блокады 5 июня 1942 года, а его супруга Елизавета Константиновна – 9 августа 1942 года.

В довоенные годы подростком Илья очень дружил с дочерьми Мервольфов – двоюродными сестрами Аллой и Ниной, бывая на даче под Лугой. Холоднее были отношения с их братом Димой, поклонником джаза, который Илья никогда не любил. С началом войны семья Мервольфов отказалась от эвакуации. Дима, призванный в армию, вскоре погиб на острове Эзель. А сестры, пережив блокаду и смерть родителей, продолжали жить в опустошенной квартире, куда и направился с вокзала вернувшийся в родной город Илья Глазунов.

Второй сын К. К. Флуга, Константин Константинович, был белым офицером и чудом спасся, бежав через крышу сарая, в котором должен был быть сожжен заживо вместе с дру-

гими офицерами. После гражданской войны, став китаистом, проходил практику в Китае, работал с известным академиком Алексеевым и издал более 20 научных трудов. Кончина его была печальной: он умер в блокаду в один день с отцом Ильи Сергеевича – Сергеем Федоровичем-13 января 1942 года.

Жена Константина Константиновича – актриса Инна Мальвини после смерти мужа эвакуировалась по «Дороге жизни» в Баку. Потом ее следы затерялись, пропала и памятная для Ильи Сергеевича фотография с надписью «Лучшей Анне Карениной от почитателя таланта».

Любимый наставник наследника престола

Прежде чем рассказать о родителях художника, Ольге Константиновне и Сергее Федоровиче, упомянем некоторых других предков Ильи Сергеевича. Но сначала отведем упреки в адрес художника, встречающиеся в публикациях, якобы в чванстве аристократизмом своего старинного рода. Кстати, подобный упрек был высказан в свое время Пушкину. Иван Сергеевич Аксаков, один из столпов русской мысли, писал по этому поводу, что такой упрек несправедлив уже потому, что «наши аристократы мало интересуются своими историческими предками». А Пушкин действительно знал и любил своих предков. И было бы желательно, продолжает свое рассуждение Иван Сергеевич, чтобы связь преданий и чувство исторической преемственности было доступно не одному дворянству, но и всем сословиям. Но что душе Пушкина давала эта любовь к предкам? «Давала и питала лишь живое, здоровое историческое чувство».

Да это будто о жизни и творчестве Ильи Глазунова. А сам Глазунов о значении родовой и исторической памяти высказывается как всегда емко и чрезвычайно актуально для современников: «Где начинается и где кончается наша родовая память о нашем происхождении? Украсть, исказить и уничтожить историю народа – величайшее преступление. Не случайно ведь, что у большинства народов разных рас и цивилизаций, а особенно у славянского племени, память о предках переходила в религиозное начало. Стереть память о них, об истории народа – значит превратить его в стадо рабов, которым легко управлять. «Хлеба и зрелищ!» Это хорошо понимали коминтерновцы, завоевавшие Великую Россию и уничтожившие не только элиту сословий каждой покоренной нации, но и историческую застройку древних городов, прежние названия улиц и осквернившие старинные кладбища».

Я не раз слышал от Ильи Сергеевича упоминание о книге, подаренной мамой в день рождения, когда ему исполнилось восемь лет. Называлась она «Царские дети и их наставники». И вспоминаю, с какой радостью он подарил мне переиздание этой книги в 1992 году, которой когда-то любовался, благоговейно перелистывая страницы фолианта с золотым обрезом. Тогда же он услышал от мамы: «Не показывай книгу своим друзьям во дворе. Это опасно». – И шепотом добавила: «Ты должен запомнить, что фамилия твоей бабушки и моей матери Елизаветы до замужества была Прилуцкая. Ее сестра, Наталья Дмитриевна, как ты знаешь, вышла замуж за дядю Федю Григорьева, генерала, директора Первого кадетского корпуса у нас в Петербурге на Васильевском острове. А их мать, Мария, была дочерью воспитателя Государя Александра II – Константина Ивановича Арсеньева».

Позже, эвакуированный по знаменитой «Дороге жизни» из блокадного Ленинграда, Илья Глазунов зафиксирует полученные от мамы сведения в своих записях, с которыми мне довелось познакомиться вместе с другими семейными документами, хранящимися в его архиве. Увидел я и запечатленный на дагерротипе образ дочери К. Арсеньева Марии, излучающий красоту и достоинство.

Но остановимся на личности самого Константина Ивановича Арсеньева, тайного советника, академика Петербургской академии наук, родоначальника статистики, известного географа и историка. Родившийся в 1789 году в семье сельского священника Костромской губернии, он, после окончания семинарии, был послан в петербургский Главный педагогический институт, который окончил в 1810 году, где своим усердием обратил на себя внимание профессоров и был оставлен для преподавания латыни и географии. Одновременно занимался статистическими работами по ведомству Министерства внутренних дел.

В 1818–1819 годы у Константина Арсеньева вышло двухтомное сочинение «Начертание статистики Российского государства», в котором впервые была дана оценка численно-

сти населения России в XVIII – начале XIX века и подсчитано, что к началу 1812 года в ней проживало около 45 миллионов человек; а после Отечественной войны 1812 года население уменьшилось на 1 миллион.

…Числом в миллион может измеряться население целой народности.

Интересно, что за 43 года до манифеста Александра II об освобождении крестьян К. Арсеньев выступал против крепостного права, утверждая, что «земля, возделанная вольными крестьянами, дает обильнейшие плоды, нежели земли одинакового качества, обработанные крепостными».

В 1819 году Арсеньев стал профессором кафедры географии и статистики Петербургского университета, но спустя два года был изгнан оттуда за либеральные убеждения. От более серьезных последствий его избавило заступничество Великого князя Николая Павловича, впоследствии государя Николая I. А в 1828 году при обсуждении вопроса о воспитании наследника престола, будущего царя Александра II, сам Николай I рекомендовал его в качестве преподавателя истории. Преподавал он наследнику географию и статистику.

По мнению современников, К. Арсеньев внушил будущему царю многие идеи, которые реализовались в ходе реформ 1860–1870-х годов. В 1848 году вышла новая работа Арсеньева «Статистические очерки России», первая по экономической географии страны.

Процесс обучения Александра II был возложен на выдающегося русского поэта Василия Андреевича Жуковского. Его замещал Арсеньев. С наследником престола у Константина Ивановича сложились теплые доверительные отношения, о чем свидетельствуют письма будущего царя своему воспитателю. В одном из них, посланном из Вены, он пишет:

> «…я чувствую себя, благодаря Бога, совершенно хорошо и прошу вас, любезный Константин Иванович, не забывать вас от души любящего.
> *Александр».*

О научных заслугах К. И. Арсеньева перед Отечеством можно прочесть в книгах, ставших библиографической редкостью, и энциклопедических справочниках. Но, знакомясь с ними, я поначалу не мог понять, почему столь известный и авторитетный человек закончил свой земной путь в Петрозаводске. По этому поводу петрозаводский историк А. Пашков по моей просьбе нашел и прислал мне любопытные материалы. Оказывается, когда 2 сентября 1812 года Наполеон вступил в Москву, министр народного просвещения граф А. К. Разумовский, опасаясь движения наполеоновских войск на Петербург, распорядился эвакуировать в Петрозаводск Академию художеств, Академию наук, Медико-хирургическую академию, Публичную библиотеку и Главный педагогический институт. Туда же отправились и сокровища Эрмитажа. Эвакуация производилась не менее чем на шести судах. Арсеньев оставил свои записки, оказавшись в той экспедиции. В Петрозаводске он, по просьбе начальника олонецких горных заводов А. В. Армстронга, составил их описания «в историческом и статистическом отношениях».

В этой работе, посвященной истории горной промышленности Карелии, содержащей немало ценной информации, Арсеньев попытался ответить и на многие вопросы, связанные с развитием всего отечественного горного дела, сравнил эффективность государственных и частных горных предприятий и оценил значение иностранных специалистов и зарубежных технологий для горной промышленности России. На этот труд Арсеньева ссылались дореволюционные историки горного дела. Одновременно им был составлен и статистический очерк Олонецкой губернии.

Божьим промыслом сына Константина Ивановича Юрия Арсеньева судьба тоже связала с Олонецким краем. После окончания Царскосельского лицея он поступил на государственную службу. В 1861 году был назначен губернатором в Смоленск, а через год переведен

на ту же должность в Петрозаводск, где за 8 лет своей деятельности немало сделал для преуспеяния Олонецкой губернии. Затем он стал губернатором Тульской губернии, где и скончался в 1873 году.

В 1864 году больной К. И. Арсеньев приезжает к сыну в Петрозаводск. Но жить ему оставалось недолго. 29 ноября (11 декабря по новому стилю) он умирает. Местом его захоронения становится Зарецкий Крестовоздвиженский храм в Петрозаводске, сохранившийся до наших дней. Сохранилась и могильная плита со скромной надписью: «Тайный советник Константин Иванович Арсеньев, родился 12 октября 1789 года. Скончался 29 ноября 1865 года».

Архивные документы, найденные Ильей Сергеевичем Глазуновым, свидетельствуют, что К. И. Арсеньев участвовал в работе специальной комиссии по установлению места захоронения освободителя Москвы от поляков князя Дмитрия Пожарского. Прах его был обнаружен в одной из гробниц Суздаля 23 февраля 1852 года. Тогда над останками великого сына России воздвигли мраморный памятник. Но в 30-е годы XX века его постигла печальная участь, равно как и храм, где были захоронены останки Козьмы Минина, славного сподвижника Пожарского. Храм был взорван, а на его месте соорудили здание обкома партии. А в суздальском Спасо-Ефимьевском монастыре, где находилось надгробие Пожарского, вначале была тюрьма, затем колония для малолетних преступников. Потом это место превратилось в мерзость запустения с грудой мусора.

Илья Сергеевич в годы господства коммунистической идеологии сумел «пробить» об этом материал в прессе, обращая внимание на глумление над отечественной историей и культурой. Наверное, это подействовало, и на месте захоронения Пожарского был установлен его бюст.

Крик души

Для воссоздания атмосферы, в которой происходило формирование личности будущего художника, расскажем и о другом его предке – генерале Федоре Алексеевиче Григорьеве. Самого Федора Алексеевича Илья Глазунов, естественно, знать не мог, ибо тот скончался в 1924 году. Но образ его берегли в семейной памяти, тем более что живым напоминанием о нем была его здравствовавшая супруга – сестра бабушки Ильи Сергеевича – Наталья Дмитриевна, до замужества носившая фамилию Прилуцкой. По детским впечатлениям художника она, появляясь у Глазуновых, привлекала бодростью, миндалевидными глазами и седыми волосами, причесанными волной наверх, а также изящными шнурованными сапожками, как у Незнакомки Блока, которые прежде всего замечал играющий на полу в солдатики Илья.

Сам же Ф. А. Григорьев – личность удивительная, заслуживающая особого внимания. После окончания военного училища он участвовал добровольцем в сербско-турецкой войне. После ранения вернулся в Россию, где по выздоровлении продолжил военную службу, а затем преподавал в военно-учебных заведениях. Несколько лет был директором Воронежского кадетского корпуса. В 1904 году по воле великого князя Константина Константиновича Романова, начальника Управления военно-учебных заведений России, переведен на должность директора Первого Петербургского кадетского корпуса.

Константин Константинович известен как переводчик, талантливый поэт, писавший под псевдонимом «К. Р.». По его религиозно-исторической драме «Царь Иудейский» был поставлен спектакль, в котором он сам сыграл главную роль.

Незаурядные организаторские способности Федора Алексеевича раскрываются в его переписке с Константином Константиновичем. Великий князь стал и его крестным отцом на литературном поприще, настояв на том, чтобы Федор Алексеевич приступил к регулярному ведению записей событий текущей жизни. Эта возложенная на него обязанность переросла в привычку и потребность. Так, были написаны удивительные мемуары под названием «Дед – внукам». Затерявшиеся на долгие годы записи Федора Алексеевича были найдены Ильей Сергеевичем в начале 90-х годов прошлого века. Нашлась и переписка деда с великим князем. Мемуары до сих пор не изданы. Между тем они представляют огромную историческую ценность как объективное свидетельство современника и участника событий в России последней трети XIX и первой трети апокалипсического XX века. Мемуары Федора Алексеевича можно поставить в один ряд с «Окаянными днями» Ивана Бунина, петербургским дневником Зинаиды Гиппиус, запечатлевшими зловещую атмосферу революционного переустройства. Но если Бунин выражает мироощущение русского дворянства, а Гиппиус – мировоззрение, сложившееся в недрах Серебряного века, то Федор Григорьев опирается на представления о здоровом русском национально мыслящем человеке, неразрывно связанном с землей.

Я познакомился с записями Федора Алексеевича в пору перестроечного разбоя, когда все подвергалось тотальному разорению и разграблению. И меня поразила схожесть этой стихии с той, которая захлестнула Россию после Октябрьского переворота. Хотя, собственно, чему было удивляться, если «архитекторы» и «прорабы» так называемой перестройки открыто объявили себя последователями революции. Можно было только предполагать, что за этим последует. Однако трагическое настоящее превзошло все самые немыслимые предположения.

Вот одна из записей Федора Алексеевича (конец 1918 г.):

> ‹…› «Теперешняя наша жизнь есть сплошная мука. Вечно голодный, думаешь только о том, как бы утолить голод, а потому не можешь заняться

каким-нибудь другим делом. Кроме голода еще хуже одолевает холод: в комнатах от 4 до 7°, дров нет… Такой жизни не жаль, и смерти ждешь как избавления, тем более что знаешь: здесь, на этом свете, дальше будет все хуже и хуже…

Посмотрите, каким ореолом окружены лица, стоящие во главе правительства! Как они живут и чем питаются! И если это до некоторой степени присуще лицам, стоящим во главе правительства (Ленину, Троцкому, Зиновьеву и др.), то, казалось бы, не к лицу низшим агентам его. Но посмотрите, как живут комиссары… И вообще власть имущие. А посмотрите, какие размеры приняли разного рода хищения и как они часты! Этого не скрывают даже правительственные газеты, хотя, разумеется, они сообщают не все. Например, нам достоверно известно, что наш ремонт не начинается до сих пор и доставка дров застопорилась потому, что комиссар, стоящий во главе Инженерного управления… удрал, захватив с собой 6 миллионов. Его «залапали», но, говорят, без миллионов. В газетах об этом ни слова, и вряд ли его будут судить, так как он бесспорный коммунист… Хищения же в грандиозной степени увеличились».

Позволю себе процитировать еще некоторые выдержки.

«7.09.1919 год.

Что ныне, в правлении большевиков, бросается особенно в глаза – это невозможная волокита и безобразные порядки, принятые как бы нарочно для того, чтобы возмутить народ.

Не зная точной статистики о числе ежедневных смертей в Петрограде, а только вспомнив число смертей в среде своих знакомых за последний только год (более полсотни наберется), – число их громадно! А число жителей, по официальным данным, уменьшилось уже наполовину! Присутствуя же на отпевании умерших в церквах на кладбищах… не понимаешь, как это Петроград еще не весь вымер?! Но на этих темах останавливаться не следует. Давно решил жить сегодняшним днем: день прожил – благодари Бога. А завтра умрешь – благодари еще больше».

«21.08.1920 г.

Если верить книге Нилуса («Великое в малом»), то самодержавие Иудейского царя, если сионистам удастся ввести его в жизнь в той форме, в которой они проектируют в теории, пожалуй, будет наилучшая форма правления на земле. Но сколько надо еще сделать преступлений, чтобы этого достигнуть! Но сионисты придерживаются иезуитского правила: «Цель оправдывает средства!» А поверив книге Нилуса, нетрудно допустить, что и наше советское правительство (в большинстве евреи) преследует ту же цель сионистов. Тогда по крайней мере многое непонятное делается понятным».

«17.03.1921 г.

При своем воцарении большевики обещали «свободу, мир и хлеб». Эти заманчивые слова и привлекли на первых порах на их сторону темные массы. Ни одного из своих обещаний они не выполнили, вместо свободы – беспримерный в истории гнет…

Крестьян обирают дочиста: хлеб, лошади, коровы и пр. остаются в очень ограниченном числе. За оставленную корову – налог молоком и маслом. Вообще грабеж в огромных размерах!»

«18.03.21 г.

С конца прошлого года и по сие время число краж, грабежа, мошенничества и др. сильно возросло…

Пришел под американским флагом пароход «Феникс» (если не ошибаюсь) с пищевыми продуктами для русских (?) детей. Капитан немец. Начали разгружаться, но капитану пришлось разгрузку прекратить: рабочие (русские) начали систематически воровать груз. Капитан донес в Смольный, что возобновит разгрузку только под охраной воинской части. Прислали красноармейцев. В комиссии, руководящей раздачей провизии, два доктора – евреи. Сына М., а также другого из наших преподавателей с русской фамилией не признали достойными получить продукты. М. говорит, что раздают по преимуществу детям-евреям. Очевидно, это помощь американских евреев своим русским соотечественникам! А евреи у нас, как я уже упоминал неоднократно, не голодают, в хвостах ни одного нет, все вновь открытые лавки – еврейские! Без погрома дело не обойдется, очевидно. Говорят, что в Польше и у нас в западном крае они уже начались.

Немец, капитан парохода «Феникс», по словам М., говорит: «Антанта вас, русских, считает теперь самым позорным народом в мире! Не ожидайте, что кто-либо окажет вам какую-нибудь помощь. Чем вы скорее передохнете, тем для Антанты выгоднее!»

Спекуляциями и аферами занимаются чуть ли не все. Только и слышишь: «перепродал то-то», «спекульнул на том-то», один мой знакомый лицеист… скопил оборотный капитал, а его жена ходит в бриллиантах.

В дополнение к ранее описанным картинкам нашей культурной жизни прибавлю то, что рассказывал на днях помощник заведующего продовольствием на наших курсах, это простой донской казак. По обязанности службы он во время балов и концертов присутствует в кухне: «Ну и «свобода» теперь. Бога упразднили, и без всяких стеснений! Летом во время собраний парочки выходят и прямо под деревом… И зимой, заглянув в подвал, диву дался: три-четыре пары, не стесняясь и стоя»… Поистине русские люди превратились в животных…»

«21.12.1923 г.

Нахожу необходимым отметить следующее. Во-первых – катастрофическое падение экономического барометра. Цена золотого рубля сегодня 2160 миллионов и ежедневно усиливается на 50 миллионов. Это официальный курс, на черной бирже за бумажный червонец (21 600 млн.) дают $2–2^1/_2$ миллиарда и больше, а за золотой червонец дадут и 30 миллиардов! Параллельно с этим и цены скачут сногсшибательно! Сегодня 1 фн. Хлеба – 100 миллионов, ситник – 200 миллионов, мясо – 1 млрд., масло – $2^1/_2$ млрд. и т. д. О мануфактурах и говорить нечего: ботинки дамские 30 млрд. За переделку казенной суконной рубашки на «френч» 14 млрд.!!!»

«Январь 1924 г.

…Петроград переименован в Ленинград. Масса учреждений и заводов переименованы в Ленинские и пр. и пр. Что Ленин лицо историческое – никто не сомневается, но оптимисты, хотя и немногочисленные, не унимаются. Теперь сплетничают, что могила Ленина залита нечистотами: могилу устраивали во время сильных морозов (до 25 град.), а потому грунт

> пришлось взрывать, эти взрывы разрушили фановые трубы. Думаю, что это сплетни. Но курилка – жив, по-моему, укрепляется. Газеты наши опять подняли головы и наполнены статьями победоносными…»

Между прочим, когда известие о нечистотах, заливших место захоронения «вождя мирового пролетариата», было сообщено патриарху Тихону, тот, слегка задумавшись, кратко отреагировал: «По мощам и елей».

Наверное, нет необходимости комментировать этот крик души Федора Алексеевича. В наше время в подобном положении оказались миллионы соотечественников. В той обстановке он выжил чудом.

Известно, в каких масштабах тогда уничтожались лучшие представители России, начиная от видных царских сановников, священнослужителей, офицерства, купечества и крестьянства и кончая самими пролетариями, в интересах которых якобы свершалась революция. Ведь что значило быть директором такого привилегированного заведения, как Первый Петербургский кадетский корпус. Основанный по указу императрицы Анны Иоанновны в 1731 году как Шляхетный кадетский корпус, он стал первым высшим военно-учебным центром по подготовке офицерских кадров. Кроме того, воспитание молодежи велось так, что выпускники корпуса могли проявить себя в любой сфере государственной деятельности. Среди первых воспитанников – такие одаренные личности, как Сумароков – автор первой русской трагедии «Хорев», Херасков, Елагин и другие, прославившие впоследствии наше Отечество. Здесь возникло «Общество любителей российской словесности». Постановка «Хорева» в корпусе стала важнейшим событием культурной жизни того времени. Кроме того, там появился балет, начал выпускаться первый частный журнал. Так что с начальных дней существования первый кадетский корпус стал, по выражению императрицы Екатерины II, «рассадником великих людей». И неслучайно в стенах этого заведения, размещенного в доме, некогда принадлежавшем знаменитому князю Меншикову, воспитывались члены императорской фамилии (в том числе и сын великого князя Константина Константиновича Иоанн, а также последний наследник престола Алексей), а его державными шефами являлись российские государи.

Естественно, что царским вниманием не мог быть обойден и директор кадетского корпуса. В письме своему покровителю великому князю Константину Константиновичу от 25.02.1913 года генерал Григорьев извещает:

> «Ваше императорское высочество!
>
> Искренне признателен за письмо ваше, которое нас всех очень обрадовало сообщением, что здоровье ваше хорошо.
>
> Парад наш, как всегда, прошел благополучно и наш державный шеф также был бесконечно добр и милостив.
>
> На прошедшей неделе имел счастье пять раз видеть государя: 17-го, 19-го, на открытии закладки памятника великому князю Николаю Николаевичу, 21-го при поздравлении, 23-го на балу и 24-го на спектакле в Народном доме.
>
> Как всегда на параде и потом на завтраке кадет более часа имел высокое счастье беседовать с государем…»

А в мемуарах Федор Алексеевич рассказывает, как был выбран воспитатель наследника престола:

> «В мае 1916 года наследник, зачисленный в списки Первого корпуса в 1909 году, с разрешения государя был назначен мною в 1-й класс, 1-е отделение (воспитатель подполковник Ф. С. Иванов) и, перечисляясь из класса в класс со своими сверстниками, оканчивал курс. По этому поводу я с депутацией подносил наследнику жетон этого выпуска. На приеме, как

> всегда, государь очень милостиво и просто с нами беседовал. В разговоре с государем я, по установившемуся обыкновению, говорил откровенно и просто и, между прочим, сказал, что очень сожалею, что не могу выйти в отставку в этом году, а должен дослужить до 28 февраля 1917 года, чтобы выслужить четвертую прибавку к пенсии. «Ну, это ваше дело, ваши расчеты, но я вас в отставку не выпущу». Когда я передал эти слова вел. кн., он сказал, что это, вероятно, обозначает желание государя назначить меня в свое распоряжение в качестве педагогического советника (или что-нибудь в этом роде) и дать мне квартиру в одном из китайских домиков в Царском, недавно освободившуюся за смертью генерал-генерал-адъютантаАрсеньева (заметим, еще один Арсеньев. – *В. Н.),* бывшего воспитателя вел. кн. Алексея Александровича. Против такого назначения я не подумал иметь что-нибудь и признаюсь, что, будучи в Царском, осматривал квартиру, в которой я мечтал покончить в покое свое земное странствование. Но человек предполагает, а Бог располагает! 28 февраля состоялось отречение, и мне пришлось переписывать прошение об отставке… на имя временного правительства!»

Итак, участь генерала Григорьева в послереволюционное время была незавидной. Спасло его от скорой расправы то, что воспитанники Федора Алексеевича относились к нему с уважением и любовью. И когда после революции некоторые из них перешли на службу новой власти, они его не забыли и… устроили преподавателем математики на командные красноармейские курсы. Здесь 73-летний Федор Алексеевич, которого называли «дедушкой», тоже в полной мере проявил свой воспитательский дар. И однажды на обеде курсанты под крики «ура!» на руках обносили его по залу.

Генерал Григорьев, при своем монархическом сознании и органическом неприятии всех безобразий послереволюционной действительности, не мог изменить своему предназначению воспитателя. И конечно же, благодаря таким людям, как он, народ сохранил в душе искру Божию, традиционные национальные ценности, которые вновь были востребованы в годы Великой Отечественной войны.

Родовая традиция служения престолу не обошла стороной и человека, которого Илья Сергеевич запомнил с раннего детства – младшего сына генерала Григорьева Юрия, служившего накануне Октябрьского переворота на императорской яхте «Штандарт». В 1908 году он, будучи гардемарином, участвовал в спасательной операции русских моряков в Италии во время случившегося там землетрясения. В детской памяти будущего художника осталась его подтянутая фигура, рано поседевшие волосы, зачесанные на косой пробор. Однажды Илья Сергеевич показал мне сохранившуюся у него маленькую серебряную мумию с открывающейся крышкой крохотного саркофага, некогда подаренную Юрием матери художника, привезенную из Египта во время кругосветного путешествия. А Илье он подарил свой карандашный рисунок с изображением белого медведя. В 1934 году Юрий вместе с другими «социально враждебными элементами» был выслан в Казахстан, в маленький поселок близ Актюбинска. Оттуда он добился перевода в Аральск, где и умер в 1941 году.

Старший сын генерала Григорьева Артемий, офицер, служил в Финляндии. После революции там и остался. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Дочь генерала Григорьева Вера жила, по воспоминаниям Ильи Сергеевича, в скромной комнате, на стене которой висел портрет ее отца в парадном мундире, что выглядело вызывающе и могло стать поводом для высылки или «посадки». У Веры был возлюбленный, выходец из пролетарской среды, человек с добрым усталым лицом и усами, как у Максима Горького. Эта связь не одобрялась родственниками, хотя и могла служить некой защитой от возможных репрессий. Но случилось так, что посадили не Веру, а ее возлюбленного, невзирая на его пролетарское происхождение. Когда началась война, Вера переселилась в

квартиру Глазуновых, поскольку ее дом разбомбили. В лютую зиму 1942 года она вместе с другими родственниками Ильи Сергеевича умерла от голода. Воссоздавая в своей книге страшные картины блокады, он вспоминает, что однажды, добравшись до последней комнаты, в ужасе отпрянул, увидев, как толстая крыса бросилась скачками в его сторону, соскочив с объеденного лица умершей две недели назад тети Веры…

Конек

Наконец, вспоминая родных Ильи Сергеевича по материнской линии, нельзя не рассказать о ближайшей подруге матери Глазунова, получившей от нее прозвище Конек (от Конька-Горбунка) за быстрое исполнение деликатных просьб и поручений, – Ольге Николаевне Колоколовой. До недавнего времени она была единственной из живых, кто связывал его с миром детства. Сама Ольга Николаевна происходила из древнейшего дворянского рода, одна из ветвей которого идет от Рюрика. Прожившая долгую, насыщенную драматическими коллизиями жизнь (кроме революции, ареста, ссылки, она пережила и блокаду), Ольга Николаевна, даже перейдя 90-летний рубеж, сохраняла удивительную живость и ясную, не выветрившуюся с годами память. Перенесенные испытания приучили ее к скрытности, и долгие годы она не склонна была доверять кому-либо. И даже Илье Сергеевичу, который, часто бывая в родном городе, непременно навещал ее и оказывал всяческую помощь, она рассказывала не обо всем, что знала. Лишь в последние годы жизни стала делиться с ним своим сокровенным.

Бывая с Ильей Сергеевичем в Петербурге, мне посчастливилось несколько раз встречаться с Ольгой Николаевной. Она жила в скромной однокомнатной квартире на улице Решетова в одиночестве, которое разделяла с ней забавная собачонка, весьма ревниво относившаяся к редким посетителям. Тогда-то и удалось получить ответы на многие интересующие вопросы, увидеть неизвестные фотографии и материалы, хранившиеся у Ольги Николаевны. Вот лишь несколько эпизодов из нашего с ней общения.

Августовским вечером 1994 года на столе у Ильи Сергеевича зазвонил телефон. Звонок был междугородный. Сидя рядом, слышу доносящийся из трубки голос Ольги Николаевны: «Илюша, родной… Я умираю. Хочу с тобой увидеться и договорить. Если можешь – приезжай…»

Через пару дней мы – на пороге ее квартиры. Дверь открыл незнакомый молодой человек. «Сева Колоколов, – представился он. – Родственник из Караганды. Проходите». И тут же за его спиной возникла фигурка Ольги Николаевны. Она дышала тяжело, но как всегда старалась быть энергичной. Когда все расселись, начала выговаривать Илье Сергеевичу за его, как ей казалось, безалаберное отношение к нападкам прессы, показывая подборку газетных вырезок.

И вдруг – неожиданный вопрос:

– А твоя мама пела тебе «Песни и пляски смерти» Мусоргского?

– Не помню, – в некоторой растерянности ответил Илья Сергеевич.

– А мне пела. Я родилась в четвертом году и по возрасту младше ее на семь лет. И она мною руководила. А какая озорная была! Пела частушки про Ленина, Троцкого и Зиновьева, за которые тогда была уготована верная дорога в лагерь. Любила давать прозвища. Например, твоего дядю Коку, китаиста, окрестила Нумизматом, хотя к нумизматике он не имел никакого отношения. Кстати, ты знаешь, что он играл на виолончели? Веру, дочь генерала Григорьева, прозвала Вагоновожатой за ее высокий рост и своеобразный цвет лица. А ее брата Юру – Гагарой. Меня же называла Коньком. И кроме тебя, никто не имеет право ко мне так обращаться.

– Конек, напомни, какие родственные отношения связывают тебя с Флугами.

– Так вот, слушай, – встрепенулась она и сложила на коленях руки. – Ты, конечно, знаешь, что твой двоюродный дед генерал Григорьев был женат на Наталье Прилуцкой, сестре твоей бабушки. Одна из его сестер вышла замуж за полковника Константина Евстафьевича Скуратова. Это моя бабушка. Она скоро умерла, Скуратов же пережил ее не надолго. Но у них осталась трехлетняя дочь Ольга, которую воспитывал генерал Григорьев. Это моя

мама. Она, как и твоя мама, – Оля Флуг, двоюродная сестра Юры Григорьева. Она окончила Николаевский институт (впоследствии институт имени Герцена, потом университет). Мама вышла замуж за Николая Александровича Колоколова, инспектора Александровского (бывшего Царскосельского) лицея, действительного статского советника. Он происходил из древнего рода, один из представителей которого занимался отливкой колоколов, что считалось почетным делом. Отсюда и фамилия, и изображение колокола на фамильном гербе. Сева, покажи Илюше печать с гербом…

Н. А. Колоколов, по дальнейшему рассказу Ольги Николаевны, был специалистом по античной истории, и семейное воспитание не обходилось без изречений античных мудрецов. Воспитанники лицея любили Николая Александровича и называли его между собой Ананасом – из-за ежика волос. Он имел девятикомнатную квартиру и дачу в Дибунах, напротив дачи семейства Флугов, с которыми у Ольги Николаевны были прекрасные отношения. Она приобщалась к музыке на вечерах у Мервольфов, у которых было два рояля и фисгармония. После революции отец Ольги Николаевны был арестован и отсидел несколько лет. А умер он в октябре 1927 года у решетки родного, уже закрытого лицея, на который пришел взглянуть…

– А где можно найти фотографию генерала Григорьева, снятого вместе с государем? – продолжает задавать вопросы Илья Сергеевич.

– У нас была такая фотография, но мама, боясь обыска, отрезала изображение государя. А оставшуюся часть сейчас покажу. Сева, принеси коробку с фотографиями…

…Рассматриваем запечатленных на них людей. Генерал Григорьев… Колоколов… Семьи Колоколовых и Флугов в Дибунах…

– Конек, расскажи, а как ты оказалась в Казахстане и где встречалась там с Юрием Григорьевым?

– Первого апреля тридцать пятого года в двадцать четыре часа меня выслали из Ленинграда. Я тогда работала экономистом на фабрике, а до того два года училась в университете, но была изгнана за дворянское происхождение. По той же причине и выселяли. Приказали немедленно сдать дела, собраться и отправили на вокзал. Нет слов описывать эти жуткие сцены выселений. Выселяли эшелонами. Больных старух затаскивали в вагоны на носилках!

– Брали всех подряд или на выбор?

– Думаю, что во многих случаях – по доносам, когда всякие гады сводили личные счеты. Но ты не буди во мне зверя. Я не хочу об этом вспоминать…

В своем ответе Ольга Николаевна, говоря о доносах и сведении личных счетов как поводе для выселения, не стала распространяться об истинной причине этого явления, которая, конечно же, ей была известна. Разумеется, были и доносы. Но политика выселений эшелонами осуществлялась не по ним, и началась она не в 30-е годы, а намного раньше. Вот что говорится по этому поводу в посмертно изданной книге «Музыка как жизнь» великого русского композитора Георгия Свиридова. Размышляя о сущности героя произведений Зощенко, Георгий Васильевич, учившийся в 30-е годы в Ленинградской консерватории и познавший атмосферу города, отмечает: «Это не только социальный герой (пролетарий), не только герой 20-х послереволюционных лет. Он еще и местный, типичный лишь (главным образом) для Ленинграда герой. Ведь именно Петроград – Ленинград остался почти без своего «коренного», что ли, населения. Сотни тысяч жителей в годы владычества Троцкого и Зиновьева были: а) убиты (расстреляны); б) выселены (арестованы, сосланы в лагеря); в) мобилизованы; г) бежали от страха, умерли от голода.

Зиновьев и его сатрапы – такие же (…) палачи – заселили город «своими». Произошла массовая депортация евреев с юга, из бывшей «черты оседлости», из Прибалтики, из Риги,

Киева, Одессы, белорусских городов: Гомель, Витебск, Рогачев, станция Быхов, Шклов, Могилев, Бердичев и т. д.

Городские низы: пролетарии и люмпены, пригородное мещанство стали обитателями бывших барских, а ныне коммунальных квартир. Вот быт Зощенко. Это не петербуржцы-петроградцы, это именно ленинградцы, а еще вернее сказать – зиновьевцы».

– А что же было дальше?

– Сначала я оказалась в Пензенской области. А потом, когда узнала, что Юра находится на одной из железнодорожных станций под Актюбинском, поехала к нему, где он жил вместе с другими ссыльными.

– И как там жилось?

– Снимали квартиры у казахов. Пропитание добывали, кто как мог. Например, ловили раков – казахи их не ели, варили и несли продавать к поезду. Иногда получали посылки из Ленинграда. Юре их посылала его сестра Вера. Помню, что он писал шутливые стихи. Например:

Черти унесли нас далеко,
Европейцам в Казахстане нелегко,
Люди ходят, словно ишаки,
Туже подтянув на брюках кушаки.

В том же станционном поселке я встретила Владимира Юрьевича Уварова, потомка генерала, героя Отечественной войны 1812 года. Он был художником, хотя окончить Академию художеств ему не дали – тоже из-за происхождения. В 1939 году нам было разрешено вернуться в Ленинград, и там мы поженились. Владимир Юрьевич умер во время блокады. А Юра Григорьев добился перевода в Аральск, рассчитывая, что как моряк он там найдет себе лучшее применение. Там он и почил в 1941 году во время начавшейся войны…

Следующим вечером после долгих звонков дверь открыла сама Ольга Николаевна, перенесшая астматический приступ в отсутствие Севы, отлучившегося ненадолго из дома.

– Так Сева по какой линии родственник? – поинтересовался Илья Сергеевич.

Из рассказа Ольги Николаевны, дополненного затем подошедшим Севой, стали известны такие любопытные детали.

У ее отца были два брата – Сергей и Петр. Сергей Александрович Колоколов до революции – российский генеральный консул в Мукдене, умер в Китае в 1921 году. Он имел дочь Екатерину, которая в 1925 году погибла при крушении корабля в Тихом океане, а также трех сыновей. Старший – Всеволод приехал в Петербург в 1911 году и поступил в лицей. Впоследствии он стал специалистом по Китаю и создателем китайско-русского словаря. Кстати, в 1954 году Всеволод стал мужем Ольги Николаевны, скончался в 1979 году.

Второй сын – Борис жил в Китае до 1954 года, затем приехал в Россию и два года спустя обосновался в Караганде. Это дед Севы, а его отец Сергей, сын Бориса, заведует кафедрой в политехническом институте.

Третьего сына С. А. Колоколова – Глеба вывезли из Китая в 1945 году и посадили на 11 лет, потом он жил под Карагандой.

Личность другого брата отца Ольги Николаевны – Петра Александровича Колоколова весьма загадочна. По ее словам, он принял духовный сан и известен под именем епископа Исидора, близкого к царскому двору и Григорию Распутину. Его расстреляли в 1919 году то ли в Тобольске, то ли в Тюмени. Добавим к этому, что, например, в книге известного историка Олега Платонова «Жизнь за царя», посвященной Григорию Распутину, отмечается, что епископ Исидор был в числе лиц, входивших в самое близкое окружение Распутина, он же отпевал тело ритуально убиенного старца…

– А ведь ты, Конек, кроме высылки, как я знаю, еще и сидела. Когда и за что тебя посадили? – продолжает разговор Илья Сергеевич.

– Я была арестована в двадцать восьмом году. Мне приписали участие в контрреволюционном заговоре. Целый месяц провела в одиночке дома предварительного заключения на Шпалерной. По ночам мальчишка-следователь водил меня на допросы. Он, как обычно, шел сзади, приставив револьвер к затылку и командовал: «Прямо!.. Налево!.. Направо!..» Какой пыткой были эти ночные допросы! Слава богу, потом выпустили.

– Скажи, как, по-твоему, произошла революция? Какие люди в ней участвовали?

– Не знаю. Слышала тогда только, что Ленина привезли в запломбированном вагоне. Но все это было ужасно. Отец рассказывал, что когда он однажды в восемнадцатом году возвращался из города домой, видел, как громили винные погреба Зимнего дворца. Одни «революционные борцы» сливали вино в канализацию; другие тут же черпали оттуда и пили. Вот тебе и их девиз: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем…»

– А Блока, автора этих строк, ты видела?

– Блока – нет, а Маяковского слушала, как он выступал в Певческой капелле. Правда, он не был тогда в желтой кофте, но вел себя очень нагло. Прежде всего, поражала его нахальная манера держаться во время чтения стихов. А когда ему подали записки с вопросами, он взглянул на них, посмотрел на часы, потом сгреб их в кучу и заявил: «Ну, на эту дребедень я отвечать не буду».

– А на шаляпинских выступлениях ты бывала?

– Что только я не переслушала в его исполнении! В Мариинке я видела его и в «Русалке», и во «Вражьей силе», и в «Севильском цирюльнике»… Между прочим, в музыкальных классах со мной училась его дочь по имени Стелла, но не родная. А ее брата звали Эдик. Это дети гувернантки Шаляпина, немки Петцольд. Она очень красивая была и часто давала нам контрамарки на шаляпинские концерты и спектакли. Однажды нас, избранных друзей, Стелла и Эдик пригласили в шаляпинский особняк. Мы устроились в одной из комнат и занялись гаданием. Вдруг входит Шаляпин в бархатном домашнем облачении и, удивленный, обращается по-английски к падчерице: «Зачем собрались?…»

А потом семейство Шаляпиных отбыло в эмиграцию. Там у Стеллы намечался роман с прекрасным тенором Кипрасом Пятраускасом, но из этого ничего не получилось…

…А я вспомнил, что в служебном кабинете у выдающегося литовского певца и художественного руководителя Вильнюсского государственного театра оперы и балета Виргилиуса Норейки, где я нередко бывал в доперестроечное десятилетие, находился портрет Кипраса Пятраускаса, к которому Норейка относился с благоговением и считал своим учителем. Но развал СССР больно отразился и на литовской культуре. А Виргилиус Норейка – не только артист с мировым именем, но и прекрасный организатор театрального дела, оказался вне стен театра.

О многом было переговорено у Ольги Николаевны. Прощание с ней было не менее трогательным, чем встреча.

– Вот как ты меня оживил, – с особой бодростью сказала Ольга Николаевна. – Я уж думала, что и не встану…

Итак, как складывалась судьба Ольги Николаевны в довоенные годы, нам известно. Во время войны она была эвакуирована из блокадного города (выносили с фабрики на носилках), а затем вернулась в Ленинград. В годы учебы Ильи Сергеевича в институте имени Репина они нередко встречались на концертах в Ленинградской филармонии, гуляли по ночному городу, вспоминали уже ушедших близких людей.

Во время одной из таких встреч она ему сказала: «Когда я говорю с тобой, я будто общаюсь с Олей и Сережей. У тебя верхняя часть лица и глаза Сережины, а рот и овал лица –

Олины. Мы с тобой оба так одиноки – и я понимаю, почему ты, как и я, так любишь музыку. Музыка – это дух, она разрушает одиночество, дает успокоение памяти прошлого и силы жить и верить в будущее…»

Мама

Илья Сергеевич унаследовал от родителей не только черты лица, но и их творческую одаренность и душевное богатство.

А теперь о самих родителях.

Мама Ильи Сергеевича – Ольга Константиновна Флуг, согласно сохранившейся у него «Выписке из метрической книги родившихся за 1897 год» родилась 13 августа. 26 сентября ее крестили. Совершал таинство крещения протоиерей в церкви святого Спиридона в Санкт-Петербурге. Восприемниками были: надворный советник Николай Николаевич Арсеньев (опять эта фамилия!) и жена полковника Наталья Дмитриевна Григорьева. Это одно из документальных подтверждений того, что хранилось в родовой памяти. И если о личности Н. Н. Арсеньева можно сказать, что он несомненно имеет отношение к потомкам воспитателя Александра II К. И. Арсеньева, то Наталья Дмитриевна Григорьева, жена Федора Алексеевича Григорьева, в ту пору полковника, как мы уже знаем, была родной сестрой бабушки Ильи Сергеевича Елизаветы Дмитриевны Прилуцкой-Флуг. Она проживала в одной квартире с семьей Глазуновых и умерла там же почти в одно время с другими родственниками в блокадном 1942-м.

Ольга Константиновна окончила гимназию и в молодости, по отзывам общавшихся с ней людей, была веселой, озорной, «затейницей и шуточницей» (так характеризовала ее собственная мать), пока семейные заботы, связанные с рождением сына, не заставили ее посерьезнеть.

Отношения с родственниками по флуговской ветви у нее были самые добрые, но особо тесные сложились с сестрой Агнессой. И неслучайно в годы эвакуации из блокадного Ленинграда лишившийся родителей Илья Сергеевич в своих письмах к Агнессе Константиновне будет называть ее второй мамой.

Ближайшей подругой Ольги Константиновны стала, несмотря на разницу в возрасте, как уже упоминалось, Ольга Колоколова, которой она доверяла свои тайны и выполнение некоторых поручений. Например, по рассказу Ольги Николаевны, она носила записки в Инженерный замок, где учился молодой человек по имени Петр Глебов, с которым Ольга Константиновна потом рассталась. Естественно, это было до ее знакомства с Сергеем Глазуновым.

В послереволюционные годы она работала на бирже труда, и после работы вместе с О. Колоколовой они ходили в кино, театр или вегетарианскую столовую на Невском, где продавались вкусные пирожные. И как-то, зайдя за ней, Ольга Николаевна впервые увидела Сергея Федоровича. «Она меня с ним познакомила, но я смекнула, что их надо оставить одних, и ушла».

После встречи с Сергеем Федоровичем Ольга Константиновна уже не работала. Единственного ребенка – Илью – она родила довольно поздно, когда ей было 33 года, и полностью отдалась его воспитанию.

Илья Сергеевич вспоминает о прогулках, во время которых Ольга Константиновна знакомила его с достопримечательностями города, рассказывала о предках, учила, как должен вести себя человек дворянского происхождения. Ходили они и в театр, филармонию, в церковь у Тучкова моста, где он впервые познал красоту церковного пения и икон.

О том, какое значение имели для него такие прогулки не только в детстве, но и для последующей жизни, свидетельствует следующее признание художника.

«Навсегда запомнил, как шел однажды с мамой по улицам старого Петербурга у Каменноостровского, мимо банка, возле которого жила тетя Лиля. Огромные, как горы, как замки, розовые миры, медленные и плавные, высились над городом… Это один из самых ярких

моментов детства. Моя жизнь словно выложена разноцветными камнями мозаики разных жизней. И только это – облака и лес, синий и вибрирующий в лучах яркого летнего солнца, и ромашки (года четыре тогда мне было) прошли как лейтмотив жизни, даже тогда, когда мрак и горе переполняли душу.

Были разные годы, люди, настроения, и все объединяют облака – огромные, кучевые, вечерние. О них нельзя вспоминать без волнения, без подступающих слез. Небо и птицы! Как безжалостна река времен!»

Неудивительно, что в своих произведениях И. Глазунов особое внимание уделяет изображению неба. Небо у него не просто некий абстрактный фон, а музыкально звучащее выражение всего настроения картины, как небесный дом бога.

Ольга Константиновна к праздникам делала украшения, а на особенно любимое Рождество мастерила вместе с сыном наряды для елки. При этом окна тщательно зашторивались, чтобы елку, увенчанную восьмиконечной звездой, нельзя было увидеть с улицы.

«Моя мама, как моя подруга, всегда была рядом со мной, – пишет Илья Сергеевич в своей книге. – Мы говорили обо всем. Она была, как может только мать, влюблена в меня, и никто не вызывал во мне такого чувства радости и полноты бытия. Отец не прощал моих шалостей и ставил «носом в угол». И далее: «Моим маленьким миром была наша квартира на тихой Петроградской стороне. Это чувство огромной радости, неизбывного счастья и просветления сопутствовало мне и маме – Ляке, так я ее называл. У нее были мягкие золотые волосы, серо-зеленые глаза, маленькие мягкие руки. Мама и потом моя дорогая жена Нина – это две женщины, с которыми я был безмерно счастлив».

Ольга Константиновна первая почувствовала божескую одаренность сына и мечтала о том, чтобы он стал художником. Покупала ему альбомы для рисования и акварельные краски. С нею он впервые увидел Эрмитаж, залы которого, как и все в этом дивном дворце, поразили его, открыв новый мир, такой далекий и непонятный и вместе с тем такой родной и близкий. В этом восприятии сокровищницы мирового искусства не было, однако, стихийного удивления первооткрывателя. Здесь уже начинали сказываться первые плоды семейного воспитания и просвещения. Илья Сергеевич помнит, что когда бабушка читала ему вслух любимую его книгу Сенкевича «В пустынях и дебрях», он рассматривал папки с репродукциями классической живописи, заботливо собранные братом бабушки Кокой Прилуцким, художником, которого называли «Князем Мышкиным». Репродукции были маленькие, из немецких календарей от искусства, но очень четкие, благородные по тону, передававшие величие искусства «старых мастеров» – Рубенса, Ван Дейка, Рембрандта, Тициана, Джорджоне, Боттичелли, Караваджо…

Много позже, когда Илья Сергеевич приступит к работе над циклом иллюстраций к произведениям любимого Достоевского и, в частности, к роману «Идиот», фотография его двоюродного деда Коки Прилуцкого послужит основой для создания образа главного героя романа. А потом его так напомнит замечательный актер Юрий Яковлев в роли князя Мышкина в фильме, поставленном по роману великого классика…

Мама привела уже подросшего Илью в детскую школу искусств, размещенную на Невке в бывшем доме графа Витте, где началось его художественное образование.

С родственниками мужа у нее отношения были не безоблачными, так как те считали, что она слишком поглощена заботами о сыне и не стремится приносить в дом какой-то заработок, тогда как ее муж надрывается изо всех сил, чтобы при своей мизерной зарплате обеспечить материальное существование семьи. В таком психологическом настрое отношения с Сергеем Федоровичем стали охлаждаться, и они уже не ходили вместе по гостям, а жили, по признаниям сестер Ильи Сергеевича, – Нины и Аллы и той же Ольги Николаевны Колоколовой «вместе, но не вдвоем».

Возможно, в этом разладе отчасти и содержится ответ на мучающий до сих пор Илью Сергеевича вопрос: почему мама не была эвакуирована с ним из блокадного Ленинграда? Но нельзя не принимать во внимание и то, что дядя Ильи Сергеевича – Михаил Федорович Глазунов, осуществлявший его эвакуацию как врач, понимал, что Ольга Константиновна не перенесет тягот путешествия по смертельно опасной «Дороге жизни», да и она сама, видимо, осознавала это. Как говорили мне сестры Ильи Сергеевича, Ольга Константиновна умерла 8 апреля 1942 года. Перед смертью она хрипела, и последними ее словами были: «Илюшенька… дорогой…»

Отец и его братья

Образ отца для художника неразрывно связан в первую очередь с Царским Селом, где родился и воспитывался Сергей Федорович. Но история его рода прослеживается не столь глубоко, как у Флугов.

Дед Ильи Сергеевича Федор Павлович Глазунов, управляющий петербургским отделением шоколадного концерна «Жорж Борман», был почетным гражданином Царского Села. По сохранившейся документации его супруга Феодосия Федоровна с декабря 1915 года числилась практиканткой в царскосельском Лазарете петроградского дворянства и присутствовала при операциях, а затем состояла сестрой милосердия в том же лазарете. Кстати, о раненых заботилась сама императрица, и там же санитаром служил Есенин.

Она рассказывала, что Глазуновы – выходцы из села Петровского Московской губернии. Брат Федора Павловича, иконописец, схожий по характеру с Ильей Сергеевичем («тоже странный, как ты, и непутевый») писал прекрасные иконы. Во время гражданской войны он пропал и о дальнейшей судьбе его ничего неизвестно.

Но не пропало его дело в роду Глазуновых. Сын Ильи Сергеевича Иван еще в пору учебы в художественном институте имени В. И. Сурикова стал пробовать себя в иконописи. Одну из своих икон он подарил храму Прокопия Праведного в Великом Устюге, куда, влюбленный в русский Север, ездит ежегодно. А кроме того, он расписал два храма: «Малое Вознесение» – на Большой Никитской в Москве и новый храм в городке Верхняя Пышма близ Екатеринбурга.

Феодосия Федоровна после смерти мужа воспитывала пятерых детей. В годы войны была эвакуирована вместе с Ильей Сергеевичем и дочерью Антониной – сестрой отца художника – в новгородскую деревню Гребло.

В детстве отец Ильи Сергеевича (родился он 1 сентября 1898 года) вместе с братьями катался на велосипеде в царскосельских парках, где мог встретить членов императорской фамилии и наследника престола Алексея, появлявшегося там в сопровождении приставленного к нему матроса с серьгой в ухе по фамилии Деревенько.

Учился Сергей Федорович в царскосельском реальном училище, интересовался прошлым России. В пожелтевшей газете «Царскосельское дело» за № 12 от 22 марта 1913 года содержится публикация, посвященная вечеру исторического кружка учеников училища, состоявшемуся 14 марта, в день возведения на престол Михаила Федоровича, основоположника династии Романовых.

«Вечер начался рефератом ученика IV класса С. Глазунова на тему «Смута в Московском государстве». Реферат произвел впечатление. С. Глазунов обладает редким даром слова. Во время этого реферата, как и реферата ученика III кл. А. Тургиева, на экране показывались эпидеоскопические световые картины – новинка училища… Молодые историки были выслушаны с глубоким вниманием собравшимися. Вечер закончился народным гимном и криками «ура», после чего последовал осмотр исторического музея училища».

А вскоре Сергею Федоровичу пришлось в реальности ощутить ужасы нового Смутного времени, самого страшного в истории России. С первыми его признаками он столкнулся во время войны с Германией, на которую ушел добровольцем.

Однажды на боевую позицию, занимаемую его ротой, явились три революционных агитатора в кожаных куртках, призывавшие убивать офицеров, втыкать штыки в землю и брататься с немцами. И к их призывам измученные в боях солдаты, похоже, стали прислушиваться. Тогда Сергей Федорович, выйдя из землянки, дал команду построиться.

«Солдаты, – обратился он к ним, – пусть выйдет вперед тот, кто скажет, что я не ходил первым в атаку, не мерз с вами в окопах, не жил, как вы. Мы вместе честно дрались за Отече-

ство!.. За великую Русь!» Злобно сверлят взглядами и ухмыляются агитаторы. Молчат солдаты. Наконец из строя раздается твердый голос: «Мы с вами, ваше благородие!» – «Спасибо, братцы!» И дается команда взять оружие на изготовку. А затем – «Огонь по врагам Отечества!»

Если бы так же поступали и с другими разносчиками революционных идей, способствующих поражению России в войне, разлагающих русскую армию и общество!

С фронта Сергей Федорович возвратился больным, позже ему выдали «белый билет», что освобождало от призыва на военную службу. Болезнь – язва желудка – не оставляла его и в последние годы. Илья Сергеевич помнит, как отец по ночам глухо стонал и метался по комнате, держась за живот. В 1918 году Сергей Федорович завершил учебу в «дополнительном классе» Царскосельского реального училища, после чего в течение трех лет учился в Петроградском технологическом институте. Закончить его по неизвестным причинам не удалось, но, скорее всего, по необходимости зарабатывать на хлеб насущный. Вероятно, в студенческие годы он познакомился со знаменитым социологом и экономистом Питиримом Сорокиным, высланным за рубеж вместе с другими русскими учеными и мыслителями в 1922 году, которого называл своим учителем и который во избежание репрессий предлагал ему тоже уехать за границу.

Но Сергей Федорович остался на родине и работал на разных предприятиях экономистом, занимаясь при этом научными исследованиями. В середине 30-х годов он занимал должность заместителя начальника НИИ экономики и организации труда при Ленинградском управлении Народного комиссариата пищевой промышленности. Сохранилось его заявление в квалификационную комиссию Академии наук СССР от 10.X.35 г. об установлении ему научной степени без защиты диссертации по списку научных работ, последняя из которых «Очерки экономики труда» получила одобрение академиков С. Струмилина и С. Солнцева.

Как разрешился этот вопрос – неизвестно, но известно то, что семья постоянно испытывала материальные затруднения. Потому маме Илье Сергеевича приходилось заходить в «Торгсин» (торговля с иностранцами) и сдавать приемщику серебряные ложки с фамильной монограммой Флугов. Приемщик гнул их дугой, клал на весы (ценились не изделия, а вес драгметалла) и выдавал купон на получение продуктов, которых оказывалось огорчительно мало. И даже когда дядя Михаил Федорович подарил своему племяннику три рубля «на барабан и саблю», отец попросил повременить с этой покупкой и передать деньги матери на еду.

Дошло ли дело до приобретения столь привлекательных предметов для любившего играть в войну Илюши?… Так или иначе, они навсегда остались в душе Ильи Сергеевича. Например, образ юного барабанщика возникнет на полотне «Россия, проснись!» А саблю или шпагу Глазунов, не будет преувеличением сказать, никогда не выпускал из рук. Недаром о тех, кто изменил высоким идеалам служения Отечеству, он говорит, что они предали свою шпагу.

Однако материальная бедность в семье Глазуновых не приводила к обеднению духа. Здесь вновь уместно обратиться к воспоминаниям Ольги Николаевны Колоколовой.

– После знакомства с Сергеем Федоровичем мне приходилось встречаться с ним еще до рождения Илюши у Мервольфов, где помимо музыки мы занимались игрой в карты. В состав нашей компании входили также Кока (китаист) и брат будущего академика Скобельцина, который потом провожал меня, поскольку мы жили в одном доме.

Сергей Федорович был так же азартен в карточной игре, как и в жизни. Он был очень умным человеком, с огромным темпераментом, за что я называла его «неистовым Роландом». У меня с ним сложились отношения на равных, несмотря на то, что он старше меня. И хотя я легко находила контакт с мужчинами, я счастлива, что у нас возникло такое обоюдное восприятие друг друга.

Он любил декламировать стихи о Прометеях без орлов и сфинксах без загадок. У него был приятный баритон и, вероятно, музыкальный слух, о чем можно судить по его пристрастию к классической музыке. Прекрасно воспитанный, Сергей, когда я с мужем и он с Олечкой встречались на концертах в филармонии, всегда целовал мне руку, что по тем пролетарским временам смотрелось как вызов.

Сергей был невысок ростом, но необыкновенно элегантен. Всегда у него – великолепные белые воротнички, он умел хорошо носить костюм.

– А Илья Сергеевич умеет? – спрашиваю я.

– Умеет, – чуть задумавшись, ответила Ольга Николаевна. – Но я не люблю, когда он надевает клетчатые…

…Элегантность Ильи Сергеевича, как и постоянство в курении «Мальборо», будет не раз откликаться ему осуждением даже со стороны друзей. Зачем так выделяться? Но это уже суть личности человека, не способного и не желающего подстраиваться к окружающей обстановке.

Свои личностные качества он стремится привить и студентам созданной им Российской Академии живописи, ваяния и зодчества, внедряя в сознание мысль, что художник – это не тот, кто в драном свитере и стоптанных башмаках харчуется с замусоленной газеты, а тот, кто подтянут, внешне облагорожен и нацелен на решение высоких творческих задач. Неслучайно студентов академии примечают по этим признакам…

– А что вы можете сказать о других пристрастиях или чертах характера Сергея Федоровича? – продолжаю допытываться я у Ольги Николаевны.

– При том, что в нем чувствовалась некая болезненность, он много курил, любил черный кофе, мог даже выпить, но никогда не бывал навеселе. В суждениях проявлялась порывистость, нетерпимость к людским слабостям. Он был мужчиной, а не подкаблучником. Возможно, в этом заключается причина охлаждения отношений с Олей, которая после рождения Илюши полностью переключилась на сына. Он стал для нее всем…

…О схожих качествах, проявляющихся у Ильи Сергеевича, говорили и его сестры Алла и Нина.

В памяти Ильи Сергеевича остались поездки с отцом в Царское Село, где находился принадлежавший деду двухэтажный деревянный дом, сгоревший в годы войны. Особое впечатление произвела поездка в тот год, когда в стране отмечалось 100-летие со дня гибели Пушкина.

Тогда он вместе с Сергеем Федоровичем присутствовал на службе в храме, в который в свое время водил отца Федор Павлович. Особенно запомнилось здание лицея, где учился поэт, названный впервые после революции не просто великим, а великим русским национальным поэтом. А ведь еще недавно Пушкина хотели сбросить с «парохода современности».

Запомнилась и галерея с фигурой Геракла, как бы смотрящего на озеро, посередине которого возвышалась знаменитая Чесменская колонна. Тогда поразил отсутствующий взгляд отца, обращенный на отражение этой колонны в водной глади. В семилетнем возрасте трудно было понять причину его глубокой озабоченности, как и то, почему он часто ложился спать в костюме и сразу же вставал, когда в гулком колодце двора раздавался рокот автомобильного мотора.

Причин же для беспокойства у Сергея Федоровича было предостаточно. О том можно судить по записям, заносившимся в скромные тетрадки и на отдельные листки. Вот некоторые из них, относящиеся к предвоенным годам.

«1939 г.

1. «Будущая партия» – должна себя объявить социалистической (нац. – социалистической рабочей партией). (Заметим, что партия с таким же названием пришла к власти в Германии в 1933 году и сплотила вокруг себя население страны, что позволило не только преодолеть последствия поражения в Первой мировой войне, но и «уложить на лопатки» Европу.)

2. Советская экономика – больная экономика – в терминах экономики ее объяснить нельзя, ее развитие и движение обусловлено внеэкономическими факторами.

3. Основное противоречие русской жизни в конце XIX и в первые десятилетия XX в. – противоречие между отсталыми формами сельского хозяйства и промышленного. Крестьянский вопрос дал 1905 год. Он же дал 1917-й. Крестьянский вопрос дает очереди в городе в 1939 г. В этом же вопросе «зарыта собака» всего дальнейшего нашего развития и наших судеб.

Объективно – два возможных пути: один – колхозный, другой – путь капиталистической эволюции сельского хозяйства…

…Объективно даны две возможности победы второго пути:

а) внутреннее «перерождение» ВКП (неудача Пятакова – Бухарина – Рыкова – ничего не доказывает, ибо они пришли слишком рано, а тот, кто рано приходит, всегда в истории платит своей головой);

б) внешний толчок (поражение, которое очень возможно при всяком столкновении ввиду нашей крайней слабости).

И в том и в другом случае капитализм «в городе» должен вводиться на тормозах, ибо среди темной рабочей массы живет ряд «социалистических предрассудков».

«1940 г.

Основное: кризис ВКП(б) и ее политики наши основы:

а) демокр. диктатура;

б) аграрный переворот;

в) Россия и нация. Частная собственность в пропасти.

Народ гибнет окончательно, когда начинает гибнуть семья. Современная семья – на грани гибели. Субъективно это выражается в том, что для все большего количества людей семья становится «адом». Объективно дело заключается в том, что нынешнее советское общество не может экономически содержать семью (даже при напряженной работе обоих членов семьи).

Нищенский уровень жизни толкает всех более или менее честных людей к тому, чтобы напрягать еще больше сил для излишней работы. Поскольку и излишняя работа не спасает, все, кто может, теми или иными способами воруют.

Вор – это самый почетный и самый обеспеченный член советского общества и вместе с тем – единственный обеспеченный член общества, не считая купленных властью Толстых, Дунаевских и прочих».

Приведенные мысли Сергея Федоровича не были случайным озарением, а вытекали из его постоянного размышления над текущей действительностью. Вот еще один, чудесным образом сохранившийся документ – его заявление начальнику уже упоминавшегося НИСа от 1.XI.35 г., о сложении с себя полномочий заместителя руководителя этого учреждения.

«При последнем разговоре со мной вы советовали «громко кричать о себе» и, указывая на модность темы, предлагали в месячный срок выпустить

> книгу о стахановском движении. Сомневаясь в целесообразности вашего предложения, я остаюсь при том убеждении, которому следовал все 15 лет своей работы: «кричать» нужно делами, а не словами».

Далее предлагаются рекомендации, в каких направлениях должна развиваться деятельность НИСа…

В тех драматических условиях у Сергея Федоровича не угасал интерес к истории. И, видимо, не случайно перед началом войны, когда он был уже доцентом географического факультета Ленинградского университета, ему предложили сделать доклад о «Науке побеждать» Суворова, чему он несказанно удивился, ибо еще совсем недавно за такой доклад можно было «загреметь» на Соловки. Но к этому времени уже сложилась другая общественно-политическая обстановка. С приходом Гитлера к власти все очевиднее становилась возможность столкновения Германии, сплоченной единой национальной идеей, с Советским Союзом. И Сталину стало понятно, что вступать в схватку с новой Германией под знаменами Маркса, Либкнехта и Розы Люксембург было бы безумием. Единственный выход – опереться на патриотические чувства русского народа. Потому 15 мая 1934 года было опубликовано постановление Совнаркома и ЦК о преподавании истории, в котором отмечалось, что оно носит отвлеченный схематический характер. Что вместо истории реальных народов преподносятся абстрактные определения общественно-экономических формаций. К тому времени отечественная история громилась ярым русофобом Покровским.

В новом постановлении от 27 января 1936 года такие тенденции назывались вредными, наметился закат и «школы Покровского». В последующих партийных документах были осуждены извращенные взгляды на ряд исторических проблем, говорилось и о непонимании прогрессивной роли христианства и монастырей, прогрессивного значения присоединения к России Украины и Грузии; об идеализации стрелецкого мятежа против Петра I; давалась оценка другим историческим событиям. Так началась ликвидация антирусской идеологической направленности в истории и культуре. Перед войной появились фильмы об Александре Невском, Суворове, Ушакове и других исторических личностях.

Причины такого идеологического поворота осознавались не всеми, но все же почувствовалось, что русским людям действительно «жить стало легче, жить стало веселее».

Кстати, как мне рассказывали смоленские земляки, менялась жизнь и самого угнетенного, до основания разоренного раскулачиванием класса – крестьянства. «Как мы начали заживаться! – говорили они. – Если бы только не война!»

У Сергея Федоровича было три брата: Владимир, Борис и Михаил.

О Владимире, младшем по возрасту, остались самые скупые сведения. Ольга Николаевна Колоколова рассказала лишь, что он работал инженером на тюлево-гардинной фабрике и носил усики, за что мать Ильи Сергеевича по сходству с известным в то время комическим актером так его и называла: Монти Бэнкс. Следы Владимира Федоровича теряются с началом войны.

Старший брат – Борис окончил институт путей сообщения и получил специальность инженера-строителя дорог. Любил классическую музыку и сам играл на рояле. После революции жил в Царском Селе с женой Надеждой и дочерьми – Таней и Наташей. Осенью 1941 г. Царское Село было внезапно захвачено стремительно наступавшими немецкими войсками. Бориса Федоровича, как и многих других, вызвали в комендатуру, поставили на учет и предложили работать по специальности. А его жена во время оккупации работала на немецкой кухне…

При отступлении немцев Борис Федорович ушел вместе с ними на Запад. На то были особые причины. О дальнейшей его судьбе Илье Сергеевичу стало известно много позже, когда в Париже во время проведения своей выставки он познакомился со своим земляком – петербуржцем, антикоммунистом, автором многих статей по русской истории и книги

«КПСС у власти», Николаем Николаевичем Рутченко, крестной матерью которого была жена знаменитого генерала Брусилова.

Восторженно отозвавшись о Борисе Федоровиче, Н. Рутченко рассказал, что весной 1942 года Борис Федорович был уже переводчиком и делопроизводителем в гатчинской комендатуре под начальством латыша офицера Павла Петровича Делле, прорусски настроенного антикоммуниста, православного, женатого на русской эмигрантке. Тогда же к команде Делле примкнул и сын известного водочного производителя Сергей Смирнов, который контактировал с эмигрантской организацией – Национально-трудовым союзом (НТС) и привез распространявшуюся союзом литературу, в том числе и брошюру Ивана Ильина «О сопротивлении злу силою».

В июле 1942 года на тайном совещании с участием Бориса Федоровича, С. Смирнова и нескольких человек из близлежащих городов было принято решение создать подпольную организацию с целью борьбы за освобождение России как от Сталина, так и от Гитлера. Организация занималась распечаткой материалов НТС, в том числе и сокращенного издания брошюры И. Ильина, за что целиком отвечал Борис Федорович. Осенью 1942 года он при тайном содействии Делле установил связь с группой русских эмигрантов в Риге, представлявших НТС, после чего было принято решение о слиянии с этой организацией.

НТС возник в 1930 году как Национально-трудовой союз нового поколения и был вначале преимущественно молодежной организацией, объединявшей многие созданные в разных странах организации – от Европы до Дальнего Востока. В конце 30-х его центр находился в Белграде. НТС сотрудничал с другими эмигрантскими организациями. Особое внимание уделял союзу журнал «Русский колокол», редактором и автором многих статей которого был великий русский мыслитель Иван Ильин.

В 1931 году была сформулирована цель союза – национальная революция в России, которая могла быть организована лишь силами народа внутри страны, а не извне. Для этого НТС стремился утвердиться на родине, создав сеть подпольных групп. Его члены переправлялись в Россию, туда же разными способами доставлялись листовки.

В публикациях союза особое внимание уделялось идейной борьбе с большевизмом. В одном из документов говорилось: «Борьба за Россию выливается в наше время… в борьбу за душу русского народа. Главным и основным оружием является в ней новая, значительная идея справедливого и праведного устроения жизни».

В таком же направлении осуществилась деятельность союза и в годы войны, тогда же переименованного в НТС. В послевоенные годы в Советском Союзе многие знали о главных изданиях НТС – «Посев» и «Грани». Распространением пропагандистской и иной литературы занимались и другие эмигрантские организации, в деятельности которых советские органы власти усматривали немалую опасность. Поэтому против эмигрантов был возобновлен террор: похищения, отравления, взрывы…

Эмигранты «третьей волны», пропитанные русофобией, покидали страну не из страха смерти, а озабоченные прежде всего материальным благополучием, стали вытеснять в НТС старые кадры, среди которых был и один из его основателей Аркадий Петрович Столыпин – сын великого российского реформатора. При нем в союзе знаменитая столыпинская фраза получила новое продолжение: «Нам нужна великая Россия – мы должны быть достойны ее».

Но обратимся снова к личности Бориса Федоровича. В конце 1942 года по доносу одного из членов организации он вместе с другими был арестован. Спасло их только вмешательство того же Делле и штабного офицера 18-й армии барона фон Клейста, родственника фельдмаршала…

Финальная часть жизни Бориса Федоровича такова. После окончания войны вместе с другими антикоммунистами его репатриировали на родину. Несколько лет он провел в лагерях. Однажды в 1955 году, приехав к бабушке Феодосии Федоровне, проживавшей на

Охте, Илья Сергеевич увидел на кухне застеленную байковым одеялом кровать. Из комнаты вышел человек со смуглым худым лицом.

Это был дядя Боря, только что вернувшийся из заключения. «Запомни, – сказал он во время той встречи, – я никогда ни одному русскому человеку не сделал зла. Я действительно ненавижу коммунистов… Я всегда работал как инженер – строил дороги в Царском Селе и даже там, за проволокой. Я прошел ад, пойми правильно брата твоего отца».

Несладкой оказалась участь и членов семьи Бориса Федоровича. Вот что рассказывала его внучка Екатерина, работающая в одной из страховых компаний США и некоторое время представлявшая ее интересы в России.

Борис Федорович, по всей вероятности, перемещался на Запад вместе с женой Надеждой. После долгих мытарств они оказались на границе с Баварией в Цвизеле, где и расстались. Возможно, причиной их разногласий были антикоммунистические настроения Бориса Федоровича, холодно воспринимавшиеся его супругой. Затем местом его пребывания стал лагерь, откуда ему советовали бежать, но он отказался, предполагая, что по международным законам его не должны выдать советским властям. Выдали, как и сотни тысяч других, направленных затем в лагеря или расстрелянных. Но это особая трагическая тема.

Наташа, его дочь, в 16 лет была отправлена в Германию в качестве «остарбайтера». Потом за ней последовала и ее сестра Таня. Значит, невелики были заслуги Бориса Федоровича перед немцами, если с его детьми поступили таким образом.

По дороге Наташу, как и ее несчастных спутниц, кормили соленым супом и не давали воды. На остановках немцы их заставляли убирать посуду и издевались над внешним видом, прическами: вот какие русские свиньи! – хотя умыться и причесаться было нечем.

В Берлине Наташа некоторое время служила домработницей в одной немецкой семье. Затем ее поместили в лагерь для перемещенных лиц. Далее – работа в Регесбурге. Затем очутилась в Бельгии, жила в подвале и работала на шахтном подъемнике. Подъем этого агрегата производился вручную. Эта работа едва не кончилась увечьем.

Бельгийцы очень плохо обращались с русскими, и потому Наташа, по словам ее дочери, сильно не уважает их, равно как немцев и других представителей так называемой цивилизованной Европы, в которой больше бывать никогда не хотелось.

Каким-то образом в Бельгии очутилась и мать Наташи Надежда, вышедшая замуж за обитателя лагеря для перемещенных лиц родом из Киева. Позже она переберется в США и будет жить до кончины в Бостоне, неподалеку от обосновавшейся там дочери.

В Бельгии же объявилась и сестра Наташи Татьяна. Через какое-то время их через Марсель отправили на корабле в Нью-Йорк. В США они занимались грязными работами. Надежда мыла полы в греческих домах. А Наташа работала на фабрике, выпускавшей палочки для чистки ушей детям. Будущее казалось ей беспросветным. Наконец, она вместе с подругой поступила в школу стенографисток и машинисток, после окончания которой работала секретаршей и бухгалтером. Эта работа ей уже нравилась…

Через несколько лет на благотворительном балу в Нью-Йорке она встретилась с Александром Пенчуком, с которым некогда познакомилась в лагере для перемещенных лиц. Поженившись, они переехали в Бостон. Там она живет до сих пор, посещает православный храм и время от времени созванивается с Ильей Сергеевичем, творчеством которого очень интересуется.

А сестра Натальи Борисовны Татьяна вышла замуж за Игоря Факеева, тоже бывшего в свое время в лагере для перемещенных лиц, с которым переехала в Канаду. Игорь стал владельцем фирмы, обслуживавшей советские теплоходы в Монреале. У них три дочери.

Однажды Татьяна отправила письмо брату своего отца – Михаилу Федоровичу – в Ленинград. На удивление, оно дошло. Завязалась переписка с ним и его сестрой Антониной, которая присылала книги и журнал «Веселые картинки».

Позже письменная связь была установлена и с Борисом Федоровичем, которому пересылались книги и словари. Он тоже много писал о себе, своих делах, и в его письмах ощущалось глубокое одиночество…

Другой брат отца Ильи Сергеевича – Михаил Федорович родился 12 ноября 1896 года. После гимназии окончил в 1919 году Военно-медицинскую академию. Затем в Красной Армии служил полковым врачом и тогда же стал самостоятельно заниматься первыми научными опытами. В 1923 году был откомандирован для усовершенствования в Военно-медицинскую академию, где остался работать на кафедре патологической анатомии. В 1939 году старейший онколог страны Н. Н. Петров пригласил его заведовать отделением Ленинградского онкологического института.

В начале войны Михаил Федорович оказался в действующей армии на должности главного патологоанатома Северо-Западного фронта. С осени 1942 года он уже главный патологоанатом всей Красной Армии. В том же году был тяжело ранен, а в 1945-м демобилизован по болезни. Работал в том же Ленинградском онкологическом институте. В 1946 году стал членом-корреспондентом, а в 1960-м – действительным членом Академии медицинских наук.

Таковы основные вехи его жизненного пути. К этому следует добавить, что Михаил Федорович написал более 70 научных трудов, публиковавшихся и в иностранных медицинских журналах; под его руководством защищено около 20 кандидатских и докторских диссертаций. Глубина его научных интересов, огромные и разносторонние знания, строгая объективность в оценке научных данных, высокая требовательность к себе и ученикам, принципиальность отмечались не только в некрологе по случаю его кончины 11 ноября 1967 года, но и во всех посвященных ему публикациях.

Таким он остался и в памяти Ильи Сергеевича, посещавшего его дом неподалеку от Летнего сада на берегу Невы как в довоенное, так и в послевоенное время. Всякий раз, бывая там, он испытывал чувство радости от соприкосновения с самой обстановкой этой квартиры, от плотных рядов книг на полках шкафов из красного дерева. Там любовался и картинами русских художников. Эти произведения, составившие уникальную коллекцию, по словам Ильи Сергеевича, давали объемное представление о достижениях русского искусства конца XIX – начала XX века, периода, называемого русским Возрождением. Один только список имен приводил в трепет. В разделе живописи – А. Архипов, К. Богаевский, В. Борисов-Мусатов, И. Бродский, В. Бялыницкий-Бируля, А. Головин, К. Горбатов, И. Грабарь, С. Колесников, П. Кончаловский, К. Коровин, Б. Кустодиев, И. Левитан, К. Сомов, К. Юон и другие. В разделе графики, помимо уже названных имен, – А. Бенуа, М. Добужинский, Д. Кардавский, Е. Лансере, А. Остроумова-Лебедева, Н. Рерих. Представлен был, правда, не столь значительно, раздел декоративно-прикладного искусства и скульптуры. После смерти Михаила Федоровича собранная им коллекция была передана в Саратовский музей.

В квартире дяди любознательный племянник открыл для себя творчество великого финского художника Аксена Галлена, которого очень любил Маннергейм, служивший в русской армии в годы Первой мировой войны, а затем при дворе Николая II, известный как создатель мощнейшей оборонительной линии.

А необычайное впечатление оставила картина Н. Рериха «Гонец», приобретенная дядей у брата художника. Она останется в глазах Ильи, когда из холодной квартиры дяди Миши его отправят на грузовой машине под ледяной жгучий ветер по «Дороге жизни» из блокадного Ленинграда.

Потом дядя поставит в госпитале на ноги племянника, в котором видел единственного наследника рода Глазуновых (своих детей у него не было), и отправит в деревню Гребло, где он раньше снимал дом. И всегда по-отечески будет заботиться о нем, пока тот окончательно

не выйдет на самостоятельный путь. А в годы его учебы в средней художественной школе и институте станет одним из первых его строгих критиков.

Илья Сергеевич помнит, как Михаил Федорович напустился на него за эскиз «Продают пирожки» (сделанный, впрочем, по заданной в школе теме), укоряя за его ничтожность, отсутствие чувства и наблюдения. Или разносил за пейзажи, страдавшие, по мнению дяди, отсутствием поэзии, свойственной искусству великих художников. Но при всей суровости всегда чувствовалась его отцовская нежность и любовь.

Однако дядя не только проявлял строгость, но и гордился понравившимися ему работами племянника. Один из этюдов – «Старик с топором» – он повесил среди картин известных мастеров. И любил раззадоривать гостей, спрашивая: «А это, угадайте, кто?» И после того, как гости ошибались в своих предположениях, ставил победную точку: «А это мой племянничек, единственный наследник рода Глазуновых, а дальше-то что будет!»

Поразительно, но и в нынешнее время, когда от случая к случаю находятся утраченные работы Ильи Сергеевича, выполненные в годы учебы, возникают подобные ситуации. Както он предложил своим гостям назвать автора нелегко доставшегося приобретения – мастерски написанного портрета, который органично вписывался в ряд работ известных мастеров старой школы. Присутствовавшие, всматриваясь в портрет, вздыхали и разводили руками.

– Ну а что ты скажешь, Ген Геныч? – наконец обратился Глазунов к многоопытному и многознающему Геннадию Геннадиевичу Стрельникову, проректору академии.

– Затрудняюсь точно назвать имя художника. Но полагаю, что это одна из ранних работ Репина… а может быть, Серова.

– Так вот, это моя студенческая работа, – столь же удовлетворенно, как в свое время Михаил Федорович, сказал Илья Сергеевич. – Не помню, как она затерялась, но недавно случайно обнаружилась, и мне с большим трудом удалось выкупить ее…

Тогда же, в студенческие годы, им был выполнен рисунок руки, который вместе с другими рисунками, в том числе и таких великих мастеров, как Леонардо да Винчи, был помещен в альбом, изданный как методическое пособие по рисованию. И что после этого можно сказать об одержимых яростной злобой критиках художника, добалтывающихся иногда до того, что Глазунов якобы не умеет рисовать!

…Но еще немного о Михаиле Федоровиче Глазунове, человеке требовательном, строгом, принципиальном по отношению к себе, своим ученикам и близким. В послевоенные годы, когда развернулся известный процесс по делу врачей, он, вызванный в спецотдел института, отказался подтвердить, что названные ему коллеги агенты иностранных разведок, готовили покушения на советских руководителей. В ответ ему напомнили, что он брат врага советской власти и, видимо, разделяет его взгляды, а потому должен нести ответственность за его деяния. Михаил Федорович заявил, что за политические грехи брата не отвечает, а сам с начала войны был на фронте, где и вступил в партию. «Вы уже не член партии», – заявили тогда ему в спецотделе.

Когда же через несколько месяцев его вызвали уже в партбюро и предложили восстановиться в партии, Михаил Федорович твердо заявил: «В партию, которая меня выгнала, я не возвращаюсь».

Для Ильи Сергеевича этот поступок дяди всегда служил одним из поучительных уроков высокой нравственности и стойкости. И закономерна его беспредельная признательность человеку, которому он обязан не только спасением своей жизни, но и в немалой мере приобщением к миру искусства.

Незадолго до кончины Михаила Федоровича Илья Сергеевич, находясь в пути во Вьетнам, отправил ему письмо, где есть такие строки:

«Дорогой дядя Миша!

> …Я тебя никогда не забываю, всегда с любовью и благодарностью вспоминаю тебя. Без тебя я бы не стал художником. Ты сделал для меня очень много в жизни – и не думай, что это когда-нибудь можно забыть…»

Пятым ребенком в семье деда художника, Федора Павловича Глазунова, была дочь Антонина – тетя Ильи Сергеевича. Эвакуированная в Гребло, она опекала его в меру сил, стараясь смягчить душевные терзания лишившегося любимых родителей племянника. Незадолго до снятия блокады Антонина Федоровна возвратилась в свою ленинградскую квартиру на Охте, где продолжала жить с мужем, работавшим инженером на заводе «Северный пресс».

Первые впечатления

Его собственное первое впечатление в сознательной жизни – «кусок синего неба, легкого, ажурного, с ослепительной белой пенистой накипью облаков. Дорога, тонущая в море ромашек, а там далеко – загадочный лес, полный пения птиц и летнего зноя. Мне кажется, что с этого момента я начал жить. Как будто кто-то включил меня и сказал: «Живи!»

Вот так состоялось вхождение раба божьего Ильи в божий мир. И не случайно, видимо, его взор обратился в небесную высь, в горние дали, куда всю жизнь будет устремляться его душа и куда он станет увлекать за собой своих отдаленных от Бога соотечественников.

Потом были утренние пробуждения в залитой солнцем дачной комнате под задорный крик молодого драчливого петушка. И первое пережитое потрясение. Однажды проснувшись, с удовольствием увидел, что солнце уже высоко, но петушок почему-то не предупредил о его восходе. А когда сварили суп, только он не мог его есть, несмотря на уверения, что петушок отлучился к бабушке в город и скоро вернется…

Дачные впечатления, заложившие любовь к природе, сменялись городскими. «После просторных лугов, стрекоз, дрожащих над темными омутами, маленьких быстрых речушек, после мирных стреноженных лошадей с добрыми мохнатыми глазами, долго и неподвижно стоящих в вечернем тумане, дымившемся над рекой, после запущенных садиков с ярко-красной смородиной и малиной, удивительным миром вставал Ленинград с громадами стройных домов, с бесконечным морем пешеходов, трамваев и машин».

Тогда еще в городе были извозчики, мчавшиеся на элегантных колясках, причем лошади сильно отличались от деревенских – тонконогие, гладкие, не боящиеся автомобилей. (Кстати, в такой коляске и был доставлен из роддома Илья Сергеевич, поскольку отцу выбить машину на работе не удалось.) Потом были посещения музеев, а первый из увиденных – домик Петра I хранится в памяти до сих пор. Затем – Эрмитаж и Русский музей, где детское воображение Ильи было пленено васнецовскими картинами «Боян» и «Витязь на распутье». Многие годы спустя Илья Сергеевич напишет свой образ Бояна, отражающий его представления о славянской древности, исследованию которой он посвятил большую часть своей жизни.

Вначале Глазуновы, их родственники Флуги и Мервольфы жили в одной квартире на Плуталовой улице. Затем разъехались. Мервольфы остались на прежнем месте, а семья Глазуновых, мать Ольги Константиновны – Елизавета Дмитриевна и Константин Флуг с женой – актрисой Инной Мальвини переехали на первый этаж дома на углу улицы Матвеевской и проспекта К. Либкнехта (бывшего Большого). Причиной разъезда, по объяснению О. Колоколовой, стало то, что жена Рудольфа Мервольфа Лиля (Елизавета) приревновала мужа к своей сестре Ольге – матери Ильи Сергеевича.

«Моим маленьким миром была наша квартира на тихой Петроградской стороне» – так отзовется о новом местожительстве художник. Из чего складывался этот мир? Не могла не привлечь экзотика обстановки комнаты К. Флуга – дяди Коки: разбросанные на столе, написанные китайскими иероглифами манускрипты; книги-картинки о приключениях забавных китайских персонажей, древние скульптурки драконов. Над столом – федотовский портрет К. К. Флуга, копия головы Ван Дейка. Рядом – бытовые и театральные аксессуары жены дяди – Инны Мальвини. А над столом у отца висела репродукция «Сикстинской мадонны» в раме из карельской березы…

Бабушка на ночь читала Илюше книгу Сенкевича, о чем уже говорилось, а чтобы он быстрее засыпал, пела старинные колыбельные песни. Засыпая, он старался представить себе Бородинское сражение, Илью Муромца, бьющегося с Соловьем-разбойником, светлейшего князя Александра Суворова, воинский подвиг которого запечатлен Суриковым в

картине «Переход Суворова через Альпы», поразившей воображение в Русском музее. А Эрмитаж, где представлена галерея портретов героев 1812 года от Кутузова до старостихи Василисы, коловшей наполеоновских оккупантов вилами, породил страсть собирать все, что относилось к той войне.

Странным образом личность Наполеона тоже вызывала глубокий интерес, может быть, потому, что на одной старинной открытке изображалось, как над будущим полководцем и императором в юности смеются сверстники. Как можно смеяться над великим? Отец пояснил, что Наполеон был корсиканцем и не совсем хорошо говорил по-французски.

И еще были любимые игрушки и книги, названия которых и поныне звучат для Ильи Сергеевича как музыка детства: «Царские дети и их наставники», «Рассказ монет», «Живчик», «Под русским знаменем»… Сколько раз я слышал от него упоминания об этих книгах!

А вот некоторые свидетельства из детского периода жизни Ильи Сергеевича, рассказанные О. Н. Колоколовой и его двоюродными сестрами – Ниной Рудольфовной и Аллой Рудольфовной.

Ольга Николаевна Колоколова:

> «Илюша был единственным ребенком, Оля в нем души не чаяла, и потому казался весьма избалованным, но прелестным ребенком с вьющимися кудрявыми волосами, довольно шаловливым. Когда мы выходили гулять, он нажимал кнопки дверных звонков квартир на лестничной площадке и исчезал. Двери распахивались, и в наш адрес раздавались страшные ругательства за плохое воспитание.
>
> Он очень интересовался игрой в оловянных солдатиков, подаренных ему кем-то из родственников, и с увлечением разыгрывал всяческие баталии. С таким же увлечением учился в художественной школе. На его духовное развитие огромное влияние оказало окружение взрослых, которые были типичными интеллигентами. Но затем, лишившись в 11 лет родителей, он всего достиг сам. Пусть это знают те, кто поносит его».

Нина Рудольфовна:

> «Уже в маленьком, балованном, наделенным чувством юмора Илье чувствовалась незаурядность натуры. Я его любила больше своего старшего брата, а Алла была с ним неразлучна. Вместе играли, ходили в садик… Илья, как и Алла, немного заикался. Это происходило на нервной почве, что после блокады усилилось. Но потом, наконец, от сего дефекта удалось избавиться…»

Алла Рудольфовна:

> «Илья очень рано начал рисовать и предпочитал в основном батальные темы. В шестилетнем возрасте проиллюстрировал карандашами написанные им стихи. Из них помню такое четверостишие:
>
> Еду с винтовкой за спиной, И все полки идут за мной. Я лег, прицелился и бахнул! Снаряд взорвался, да как ахнул!..
>
> В отличие от нас с сестрой, его очень интересовала генеалогия, и он не поддавался, когда слышал утверждения, что дворянство – это нечто плохое.
>
> У него был крест, оставшийся от одного из предков – генерала, воевавшего на Балканах (скорее всего – это генерал Ф. А. Григорьев, жена которого навещала семью Глазуновых. – *В. Н.).* На кресте остался след от

> попадания в него то ли пули, то ли осколка, что спасло генералу жизнь. Илья оценивал этот факт таким образом: «Видишь, как полезно носить кресты!»
>
> Очень увлекался образом Наполеона, а тема войны 1812 года была для него основной. Мы играли в эту войну и воспроизводили сцену битвы на Бородинском поле, когда Багратион получил ранение в ногу. Ее пришлось ампутировать, и в этом эпизоде я выступила в роли врача, а он – Багратиона.
>
> Я была очень дружна с ним. Мы не только вместе играли и гуляли в городе, но и отдыхали на даче. Так было и в июле 1941 года, когда мы с ним и его мамой поехали в Вырицу, куда наезжал и Сергей Федорович. И оставались там до августа, после чего вернулись в город. А 20 августа замкнулось кольцо блокады…»

Илья стал рисовать очень рано, и первым его рисунком было изображение орла в горах, о котором любила вспоминать его мама. Она привела шестилетнего сына в школу искусств. Там рисовались незатейливые натюрморты, гипсовые орнаменты, всевозможные композиции. Навсегда в памяти останется у начинающего приобщаться к художественному мастерству Ильи урок, полученный при попытке нарисовать знаменитую летчицу Марину Раскову, имя которой гремело по всей стране. Как ни старался он изобразить женскую фигуру в комбинезоне – все равно получалась мужская. Учительница подсказала: женская фигура отличается от мужской тем, что у нее бедра шире плеч. Тогда прибавил к линии бедер – и получилось!

Потом занятия были перенесены в другой дом, тоже принадлежавший Витте, находившийся рядом с памятником миноносцу «Стерегущему», погибшему в русско-японскую войну. Созданный скульптором К. Изенбеком памятник был торжественно открыт 10 мая 1911 года в присутствии императора Николая II. Подвиг моряков как пример жертвенности, свойственной русским людям при защите Отечества, глубоко запал в сердце будущего художника.

Гибель «Стерегущего» 26 февраля 1904 года так описывалась в «Таймс» на основании японского донесения:

> «Тридцать пять убитых и тяжело раненных лежали на палубе русского миноносца, когда его взяли после упорного боя на буксир японцы, подобравшие лишь четверых легко раненных русских, бросившихся в море. Но на «Стерегущем» оставались еще два матроса; они заперлись в трюме и не сдавались, несмотря на все увещевания. Они не только не сдались врагу, но вырвали у него добычу, которую он уже считал своей: открыв кингстоны, они наполнили родной миноносец водой и погребли себя вместе с ним в морских пучинах…»

…А потом занятия проходили в первой художественной школе на Красноармейской улице, где учительствовал Глеб Иванович Орловский, о котором с благодарностью вспоминает художник. Он знакомил с репродукциями картин великих мастеров, ставил красивые натюрморты и поддерживал страсть своего ученика к истории войны 1812 года. Хотя однажды обидел его, сказав, что композицию «Три казака», написанную им самостоятельно после прочтения «Тараса Бульбы», где-то видел.

Ликование в семье вызвало упоминание в журнале «Юный художник» об акварельной композиции «Вечер», написанной Ильей под впечатлением шествия с отцом по скованному страшным холодом городу. Примечательно, что пятый номер этого журнала за 2003 год был целиком посвящен созданной и возглавляемой уже всемирно известным Ильей Глазуновым Российской академии живописи, ваяния и зодчества.

В 1938 году он пошел в первый класс обычной общеобразовательной школы. Накануне мама проплакала весь вечер, предполагая, какой мерзостью могут там напичкать ее любимого сына. И действительно, в первый же день там поручили разучивать примитивнейшую песенку о Ленине. Но мама придумала шутливо спасительный выход: не обязательно петь со всеми, можно только открывать рот…

В своей книге «Россия распятая» художник пишет: «Мое детство было детством, может быть, одного из последних русских дворянчиков на фоне развернувшихся гигантских политических событий». И далее: «Хочу добавить, что оно протекало в уже почти не существующем мире, и было правдой сна. И перефразируя Чехова, скажу: «В детстве у меня было детство!» Его прервала, как и у миллионов детей моего поколения, война».

22 июня 1941 года, играя около дома с мальчишками в войну, Илья увидел на перекрестке большую толпу. Подумалось, что кто-то попал под машину. Но собравшиеся у репродуктора напряженно слушали речь Молотова о нападении германских войск и бомбежках Житомира, Киева, Севастополя, Каунаса…

Хотя это известие было воспринято трагически, все же не верилось, что немцы вскоре окажутся вблизи Ленинграда и докатятся до самой Москвы.

Поэтому родители, несмотря ни на что, решили на лето отвезти сына в Вырицу.

В Вырице война чувствовалась лишь по радиосводкам, немцами захватывались новые города и территории. Но через несколько недель появились немецкие листовки с призывами бить жида-политрука и встречать освободителей от «жидо-масонской оккупации кровавых большевиков».

А когда немцы разбомбили железнодорожную станцию и оказались совсем близко, надо было срочно уезжать. Сгустившаяся опасность заставила Ольгу Константиновну сделать такое признание сыну: «Я тебе раньше не говорила этого. Но помни, что ты крещен и ты православный».

Утром следующего дня начался путь к станции, чтобы от нее по шоссе добраться до следующей и успеть на последний поезд, уходящий в Ленинград. В памяти остались жуткие картины военного разорения и первая бомбежка, когда дымилась вздыбленная земля, а рельсы, причудливо изогнутые, казались сделанными из теста. Вот еще одно из впечатлений этого скорбного пути.

> «Пыль, жара, горе. Дети серьезны и молчаливы. Кричат и плачут только грудные. Никогда не забуду наших солдат 1941 года. Спустя много лет в рязанском музее я видел древнее изображение крылатого воина-архангела Михаила, которое заставило меня вспомнить первые дни войны. С деревянной доски на меня смотрел опаленный солнцем и ветром русский солдат с синими, как прорывы весенних небес, глазами, смотрел гневно, строго и смело. Его взор чист и бесстрашен. А под ногами родная земля. Кто вдохновил тебя, безымянный русский художник, на создание этого героического образа? Может быть, ты так же шел в толпе беженцев, и тоже была пыль, жара и горе?… А может быть, ты сам сражался в жарких сечах и остался живым? И запечатлел в едином образе силу и отвагу своего поколения?»

Впоследствии пережитое станет основой сюжета многофигурной композиции «Дороги войны» – дипломной работы Глазунова в Институте имени Репина. Но она не будет допущена к защите за обнаруженные в ней якобы пораженческие настроения. Пришлось срочно писать другую. А ту картину он завершит спустя десятилетия.

А тогда, оказавшись в последнем поезде, идущем в Ленинград, Илья услышал тихий вопрос матери, обращенный к соседу: если она накроет своим телом сына – дойдет ли до него пуля? И получила утешительный ответ: очевидно, не достанет…

Война

Ленинград превратился в прифронтовой город. Баррикады, траншеи, перекрашенные под цвет зелени дома, зенитные пушки в парках… Черный дым от горящих продовольственных складов, аэростаты, патрули…

Родители решили не уезжать из города, и некоторое время продолжаются заходы с отцом в любимый букинистический магазин. Но все ближе подкрадываются голод и смерть…

> «Все страшные дни Ленинградской блокады неотступно и пугающе ясно, словно это было вчера, стоят непреходящим кошмаром в моей памяти… – напишет потом Глазунов, воссоздавая картины смерти своих близких. – Каждый умирал страшно и мучительно. Отец – с протяжными нестерпимо громкими криками, от которых леденела кровь и поднимались дыбом волосы… Пламя коптилки, дрожавшей в маминой руке, жуткими крыльями теней заметалось по стенам, потолку и отразилось желтым тусклым блеском в закатившихся белках отца, который продолжал кричать на той же высокой ноте… Через пятнадцать минут отец замолк и, не приходя в себя, умер…
>
> – Бабушка! Бабушка! Ты спишь? – говорил я, боясь своего голоса в гулкой темноте холодного склепа нашей квартиры. Закрывая рукой пламя коптилки от сквозняка отрытой двери, я старался разглядеть бабушку… Холодея от ужаса, больше всего боясь тишины, я с усилием подошел к постели и положил руку на ее лоб. Он был холоден, как гранит на морозе. Я не понимаю, как очутился рядом с матерью, лежащей в старом зимнем пальто под одеялом. Стуча зубами прошептал:
>
> – Она умерла!
>
> – Ей теперь легче, чем нам, мой маленький, – сказала тихим шепотом мать. – От смерти не уйти. Мы все умрем – не бойся!
>
> …Отец и все мои родные, жившие с нами в одной квартире, умерли на моих глазах в январе – феврале 1942 года. Мама не встает с постели уже много дней. У нас четыре комнаты, и в каждой лежит мертвый человек. Хоронить некому и невозможно. Мороз почти как на улице, комната – огромный холодильник. Потому нет трупного запаха…»

Жуткая атмосфера блокадного времени будет отражена художником в его знаменитой серии графических работ «Блокада».

22 марта 1942 года, когда в квартиру пришли люди, чтобы живых эвакуировать на Большую землю, в ней оставались лишь Илья и его мама. Машина, которая привезла медикаменты для военного госпиталя, по просьбе Михаила Федоровича должна была, возвращаясь на фронт, вывезти их из города. Но Ольга Константиновна не могла уже передвигаться. Она попросила сына принести из шкафа коробочку с маленькой позолоченной иконой Божией Матери и сказала: «На, возьми на счастье. Я всегда с тобой. Мы скоро увидимся».

По заснеженным улицам незнакомый человек отвел Илью в дом дяди Миши, его посадили в открытый грузовик. Вместе с бабушкой – матерью отца и Михаила Федоровича, их сестрой Антониной и санитаром с дочерью предстояло проделать опаснейший путь по «Дороге жизни» из блокадного Ленинграда.

Встреченные Михаилом Федоровичем, Илья с родственниками, после месячного лечения в госпитале, были отправлены в новгородскую деревню Гребло. Там до войны дядя снимал дом под дачу, в котором Илья проведет два года.

Вскоре в Гребло пришли несколько коротких писем от матери, датированные последними числами марта 1942 года. Угасающая Ольга Константиновна каким-то чудом нашла силы, чтобы выразить в них любовь и заботу о дорогом единственном сыне. Несмотря на успокоительные заверения мамы и наступление весны, его душа была переполнена недобрыми предчувствиями.

Когда пришло письмо от тети Аси, адресованное не ему, глухо застучало сердце и показалось, что он оглох… И не ошибся в своей догадке: тетя Ася сообщала о смерти своей сестры – его матери.

> «Не помню, как очутился один в лодке на спокойно плещущих волнах. Надо мной простиралось бесконечное небо, такое же, как и в моем детстве. Что будет впереди, кому нужен я теперь, медленно плывущий навстречу волн? Знакомое по блокаде чувство неощутимого перехода из жизни в смерть соблазняет и умиротворяет своей легкостью… Как первобытна и нема могучая природа! Это были минуты, когда душа, как мне казалось, со всей полнотой ощутила загадку и непрерывность человеческого бытия. Ожили и заговорили волны, зашептал тростник, склонились вечерние облака, нежно утешая затерянного в мире человека, а птицы вносили в этот безгласный разговор глубокую жизненную конкретность происходящего мига. Их крики так похожи на человеческую речь! Словно ожила на мгновение природа и обняла своими ветрами и скомканную душу, стараясь расправить ее как опущенный парус…»

Врачующая сила природы не раз спасала впечатлительную душу художника. А он, как мало кто иной, наделен необыкновенным проникновением в тайны природы, с ее вечным процессом умирания и воскресения. Я был поражен, когда однажды прочел такие строки в его книге «Дорога к тебе»:

> «Какая хрупкая, нежная прелесть в северной русской природе! Какой тихий, невыразимой музыки полны всплески лесных озер, шуршание камыша, молчание белых камней. Чахлые нивы, шумящие на ветру березы и осины… Приложи ухо к земле, и она взволнованно расскажет о былинных вековых тайнах, сокрытых в ней, поведает о поколениях людей, спящих в земле под весенней буйной травой, под белоствольными березами, горящими на ветру зеленым огнем. Как поют птицы в северных новгородских лесах! Как бесконечен зеленый бор с темными, заколдованными озерами. Кажется, здесь и сидела бедная Аленушка, всеми забытая, со своими думами, грустными и тихими. Как набат, шумят далекие вершины столетних сосен, на зелени мягкого моха мерцают ягоды.
>
> В бору всегда тихо и торжественно. Тихо было и тогда, когда я после мучительных месяцев, казавшихся мне долгими годами, вступил, как в храм, в синь весеннего бора…»

Нельзя без волнения читать переписку Ильи Сергеевича военного времени с родственниками. Вот лишь несколько строк из нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.